

МИХАИЛ ДОРИН

СИДРОВИЙСКИЙ
РУБЕЖ 7

Михаил Дорин
Сирийский рубеж 7

«Автор»

2026

Дорин М.

Сирийский рубеж 7 / М. Дорин — «Автор», 2026

1984 год. Ближневосточный узел противоречий затягивается всё сильнее. Советскому Союзу невозможно остаться в стороне и позволить США развязать кровавую бойню в самой горячей точке мира. Майор Александр Клюковкин в эпицентре битвы за небо Сирии.

© Дорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Дорин

Сирийский рубеж 7

Глава 1

Вертолёт медленно падал. Я что есть силы выжимал всё из нашей «восьмёрки», пытаюсь его удержать. В этот момент появилась возможность дать левую педаль, чтобы отвернуть от возникшей перед нами скалы.

Небольшой крен, и Ми-8 развернулся. Удар справа! Правая стойка шасси задела склон. Нас подбросило вверх, будто баскетбольный мяч.

– Приготовиться! – громко сказал я, зажимая кнопку выхода на связь.

Ещё удар и вертолёт заскользил по земле.

– Вык... лючаю! – раздался сбоку голос Хавкина, который дотянулся до стоп-кранов.

Тут же двигатели выключились, но нас ещё тащило вперёд.

Лопасты остановились, а сам вертолёт слегка накренился. В кабине пахло сожжённой проводкой и керосином. Пыль стояла стеной. Я снял шлем и замотал головой, приходя в себя.

Остекление кабины было всё в земле, а сквозь левый блистер просматривалась серая скала.

– Все живы?! – крикнул я, и в ответ раздалось подтверждение.

– Более-менее, – побряхтел Иннокентий.

– Тьфу! Полный рот земли, – расплевался Хавкин, выползая в грузовую кабину.

– Лучше песок на зубах, чем иней на яйцах. Выходим и занимаем оборону. И побыстрее, – сказал я.

Голова слегка кружилась, но тело уже начало восстанавливать ориентировку. Хавкин, сняв автомат, начал открывать сдвижную дверь.

– Доктор, как вы там? – крикнул я в грузовую кабину, поднимаясь со своего места.

– Всё хорошо. Я даже не испугалась, – раздался женский голос из грузовой кабины.

Первая мысль, когда я услышал голос Белецкой – слишком сильно ударился головой. Я взглянул на Кешу и понял, что мне это не послышалось. Глаза Петрова вот-вот должны были через блистер вылететь. А уж как я обалдел, когда увидел лежащую на скамье Антонину.

– Тебе чего в госпитале не сидится? – помог я встать Тосе и осмотрел её.

Повреждений не было. На Белецкой был надет бронежилет, а на плече висел десантный рюкзак РД-54 с нашитым красным крестом.

– Был приказ направить медика. Думаешь, много желающих было? – проворчала Антонина, надевая рюкзак.

– Не думаю. Но теперь мы с тобой попали, – сказал я, снимая автомат с плеча.

Спрыгнув на землю, я помог выбраться Антонине. Осмотревшись по сторонам, я быстро оценил наше положение.

Вертолёт накренился и аккуратно стоял на поломанной стойке. Лопасты, как и большая часть фюзеляжа были целые.

– Мы где сейчас? – спросила она, когда я потащил её за каменный валун у подножия скалы.

Здесь уже сидел Миша Хавкин и передавал сигнал «Бедствия» по аварийной радиостанции.

– Надеюсь, что в Сирии.

И это была не шутка. До границы с Турцией здесь совсем немного. Но здесь и без турков полно врагов.

Кеша выскочил следом и быстро переместился к нам за камни.

– Что дальше? – утёр он лицо от пота.

– Лезем выше.

– Справедливо, командир, – согласился со мной Петров, а Хавкин утвердительно кивнул.

Из леса раздался гул моторов машин. И тут же началась стрельба. Несколько пулемётных очередей ударили по камням, а крики на арабском стали громче.

– Живо распределились, – громко сказал я, утащив за собой Тосю и прикрывая её со спины.

Забравшись на небольшую высоту, я усадил Антонину за камни.

Ещё одна очередь прошла над головой. Огонь начался со стороны леса и не прекращался ни на мгновение. Такой накат, что головы невозможно поднять.

Я заметил только, что два больших пикапа выехали из чащи леса. Следом показались ещё два десятка бойцов и начали рассредоточиваться.

Похоже в этих лесах боевиков огромное количество.

Упав за камни, я достал автомат и начал стрелять. Тут же очередь из пулемёта ударила совсем рядом. В глаза попала пыль, затруднив мне возможность видеть.

– Твою мать! – услышал я крик недалеко от себя чуть ниже по склону.

Проморгавшись и повернув голову на болезненный голос, я увидел, как у подножия горы ворочается Хавкин, держась за ногу. Он был как раз на линии огня.

– Саньч, надо забирать, – услышал я Кешу, скрывшегося слева за другим валуном.

Конечно надо! Иначе его сейчас застрелят.

– Командир, прикрываю. Готов, – громко крикнул Кеша.

– Держи. Сейчас вернусь, – передал я автомат Тосе и выдержал пару секунд перед рывком вниз. – Кеша, готов!

Хавкин затих. Возможно, ранение серьёзнее, чем просто зацепило ногу. Пока в воздухе была пылевая завеса надо рисковать.

– Пошёл! – вскрикнул Иннокентий и начал стрелять по наступающим боевикам.

Съехав вниз, я перекатился и оказался совсем рядом с Мишей.

– Давай. Держись, – приговаривал я, волоча парня за собой.

Кеша продолжал стрелять, пока я не скрылся за валуном. Теперь надо затащить Хавкина наверх.

– Перезаряжаю! – услышал я голос Кеши и прижал раненого Мишу к камням.

В этот момент застрочил крупнокалиберный пулемёт. Камни крошились в песок, а земля ходила ходуном от столь мощной стрельбы.

– Выходите! – крикнул Кеша и начал стрелять.

Схватив Михаила, я потащил его наверх. Каждый шаг давался с трудом. Рядом с нами били пули, поднимая пыль и разбивая камни. Чувство, что вот-вот меня собьёт с ног и я улечу вниз, не покидало ни на секунду. Ощущение, что эта высота никогда не закончится. И каждый шаг давался всё труднее.

Добравшись до укрытия, я оставил Михаила на попечение Тосе.

– Он серьёзно ранен. Где эвакуация, Саша? – принялась Антонина оказывать Хавкину помощь.

– Скоро будет. Теперь дай автомат. И вот... на всякий случай, – достал я из кобуры пистолет и протянул Антонине.

– Эм... я только в тире стреляла, – заперевивала Белецкая.

– Этого достаточно, – сказал я и вновь начал стрелять.

Наша цель была понятной – дождаться вертолёт или группу спецназа. Они не так далеко от нас, но сейчас это расстояние просто так не преодолеть.

– Я справа держу, а ты слева. Работаем, – дал я команду Кеше и продолжил стрелять по приближающимся бойцам в различном камуфляже.

Боевики так и норовили обойти нас со стороны и зайти сверху. Но несколько очередей не позволили этому случиться.

– Сбоку держи, Кеша. Обойти хотят, – крикнул я, сменив магазин.

Включив рацию, я вышел в эфир. Несколько запросов и на связи на аварийной частоте появился Тобольский.

– 201-й, 202-му, – запросил я.

– Отвечаю. Идём к вам. Внимательно, рядом с вами бармалеи. Идут и едут быстро...

Не успел я дослушать, как рядом со мной ударила очередь, подняв пыль и землю.

Из-за лесопосадки послышался приближающийся быстро звук вертолётa. Смотрю вверх, и вот он уже отстреливает весь боекомплект из кормового пулемёта, а из аварийного люка по духам стреляет пулемётчик.

Небольшая поляна погрузилась в пылевую завесу.

Не бросает нас Тобольский. Одна проблема – у него не получится сесть между нами и боевиками. Слишком мало места между нашим вертолётom и лесопосадкой.

Насколько только у Олега Игоревича хватит топлива, чтобы нас прикрыть? А боевики всё прибывают.

– Почему он не садится? – громко сказала мне Тося, пытаюсь перекричать гул.

В клубах пыли я слышу крики и вопли от боли. Некоторые боевики бьются в конвульсиях от тяжёлых ран.

– Нет места. Так что держимся, – сказал я, меняя очередной магазин.

– Поняла.

Но очередной заход Тобольского наступающих не останавливает. Они встают и вновь идут вперёд.

Пара выстрелов и очередной боевик скатился по склону. Вот только теперь начали плотно стрелять и по нам.

Кеша и вовсе перестал отвечать.

– Зажали, командир. Надо уходить.

– Некуда, – крикнул я Кеше.

Меняю позицию, перекаtywаясь между валунами. Ещё пара выстрелов. Один боевик лежит, а второй только залёг. Продолжаю стрелять короткими очередями, стараясь не подпустить к нам ближе.

В строю боевиков были видны и люди в афганской одежде. Похоже, что душманы тоже здесь. Пытаются взять реванш за Афганистан.

– Какая у них жажда схватить нас, – воскликнула Антонина, когда я снял одного боевика, подобравшегося весьма близко к нашей позиции.

– Им много заплатят.

Боевики продолжают подползать. Каждый метр им даётся ценой потерь, а нас достать не могут. Один швыряет гранату, но та взрывается ниже нашей позиции.

В голове много мыслей. За спиной Тося, рядом с ней раненый Хавкин. Ещё и Кеша бьётся из последних сил. И никакой подмоги, кроме кружашего над нами Тобольского.

– Саша, я перевязала. Давай помогу, – подтянула Белецкая к себе автомат Хавкина.

– Не высывайся!

Несколько человек двинулись обходить нас слева по склону. Пустил по ним очередь. Одного свалил, ещё двоих ликвидировал Кеша. Уже тревожно, что подходят слишком близко.

Не знаю, сколько прошло времени, но духи решили застопориться. Попрятались за камнями, что мне их пока не достать.

– 201-й, ведём бой. Быстрее надо забирать, – громко сказал я, продолжая насилловать станцию.

Она то шипит, то пищит.

– 202-й, пока нет никого, кроме нас. Держитесь. Попробую группу высадить на вершину к вам в помощь.

Краем глаза ухватился за пару человеческих фигур, подступающих слева. Одеты в тёмные одеяния: чалма на голове, автоматы наперевес. Идут в низине, пытаясь подойти вплотную. Идут очень тихо. Предсмертный крик прокатился над землёй.

Так мы долго точно не протянем.

– Да есть кто-нибудь ещё в воздухе?! – громко сказал я в рацию.

Не прошло и минуты, как боевики появились с противоположной стороны. Ещё несколько выстрелов, и снова отступили.

– Тося, только сиди и не высовывайся, – ближе перекатился я к Белецкой, но та ещё продолжала сжимать автомат Михаила.

От боевиков уже не так просто отбиваться. Решили задавить нас огнём. Чаще стараюсь перемещаться, чтобы была возможность не дать им подойти. Но они всё подходят. И опять пустой магазин.

И тут меня чем-то снесло на землю. Пара выстрелов раздалась слева.

Краем глаза вижу фигуру в чёрном. Он уже поднял автомат. Нужно ещё мгновение, чтобы его снять. Я даже не заметил, как выпустил очередь по душману.

Лёжа между камней, я почувствовал, что на мне лежит... Тося. Внутри всё похолодело. Лицо Антонины, чёрное одеяние боевика... всё вокруг закрутилось. Она лежала рядом со мной и протяжно стонала от боли.

– Ты... ты чего? Зачем полезла, дурочка?

Одна группа решила снова попытать счастья и подойти вплотную. Надо подпустить ближе, чтобы сразу всех. Кучно идут!

Гранату держал на голове в одной руке, а в другой Тосю.

– Ну зачем?! – тихо проговорил я, выдернул чеку и бросил гранату.

Взрыв. Трое рухнули на землю, ещё двое поскорее стали отползать. Выстрелы со стороны боевиков затихли.

– Саша, я умираю, да? Ты ведь живой?

Я посмотрел на Антонину и свои ладони в крови. В эту секунду я не знал, что думать. Пожалуй, самый дорогой мне человек за две моих жизни вот-вот уйдёт... навсегда.

– Где? Где болит? Надо наложить повязку. Ты только не молчи. Говори мне что делать, хорошо?

Ощупав тело Белецкой, я не сразу нашёл рану.

– Больно, – заплакала Тося, а я посмотрел на рану.

Сначала подумал, что пуля прилетела прямо в самый зад. Но оказалось, что в ногу.

– Дорогая, ты не умрёшь. Рана не смертельная, – проговорил я, быстро перетянув ногу Антонине.

– А знаешь как больно? И вообще, я крови боюсь, – продолжала плакать Тося.

– Не говори ерунду. Ты же врач, в твоей жизни ты столько раненных видела, что мама не горюй.

– Так то не моя кровь. А свою боюсь. Её ещё так много. Тошнота к горлу подступает, и голова кружится.

– Отставить панику!

Перерыв затягивается. Тем временем снова спикировал Тобольский. Залп НАРами и снова слышу отчаянные крики боли. Над поляной поднимался дым, обволакивающий всю местность.

В нашу сторону летят отдельные автоматные очереди и проклятья на местном языке.

Сквозь громкий стук пулемёта пробился гул двигателей. Он всё нарастал и становился всё ближе и ближе. Выглянув из-за валуна, я увидел пару Ми-24, заходящих на цель. Сначала один выполнил залп из пушки, а затем и второй.

Пулемёты замолкли, а мои коллеги резво ушли вверх, отстреливая «асошки».

– 202-й, бармалеи бегут. Сейчас подсяду к вам, – сказал Тобольский и начал заходить на склон горы.

Наверняка сейчас зависнет на одном колесе. Кеша переместился ко мне и подобрал Хавкина. Я же взял на руки Антонину и понёс наверх.

Олег Игоревич и правда завис с опорой на одном колесе. Из грузовой кабины выскочили несколько спецназовцев и помогли нам забраться. Только мы закончили грузиться, как Тобольский начал взлетать.

Антонине и Михаилу начали оказывать помощь. Вертолёт взлетел и взял курс на площадку в Маарет-Эн-Нууман.

Я же продолжал смотреть на подбитый Ми-8, который всё же загорелся от множества попаданий. Внизу из лесопосадки уходили отдельные боевики, которые не смогли нас взять.

Голова болела, руки устали, а спину ломало от напряжения. Утерев грязное лицо, я посмотрел на Тосю и встретится с ней взглядами. Только сейчас я заметил, что мы не отпускаем друг друга и держимся за руки.

А в голове мысль – сколько ещё раз мне так будет везти?

От мыслей о здоровье Антонины и моей удаче, я вернулся к реальным вещам. В грузовой кабине устало сидели бойцы группы спецназа, а также Кеша, карауливший Хавкина. Миша стонал, когда его обрабатывал санинструктор.

– Я помогу, – попыталась встать Белецкая, но ей не дали подняться.

– Тебе самой помощь нужна, – уложил я Антонину на скамью, с которой бойцы слезли на пол, уступая девушке место.

– Тут у ребят серьёзнее раны. Я смогу.

На меня посмотрел санинструктор и покачал отрицательно головой, показывая, что помощь ему не нужна. Я оставил Тосю и подошёл к Хавкину.

– Как он? – спросил я медика из группы спецназа.

– Жить будет, но надо в госпиталь. Сначала быстро прооперируют, а потом и в Дамаск можно. Там есть большая больница.

– Понял, спасибо.

Антонина лежала на лавке. Я сел рядом с ней и прикрыл глаза. Ко мне подсел Иван – командир группы спецназа.

– Как группа? – спросил я.

– Все живы. И с трофеем, – указал Иван на брезент, лежащий рядом с рампой вертолёта.

Сначала я не замечал, что в вертолёте есть ещё кто-то. Оказывается, спецназовцы смогли взять пленного. Судя по тому, что завернутый в брезент человек ещё ворочался, взяли живым.

– Кто такой? – спросил я.

– Один из полевых командиров «Чёрных орлов». Точнее, «арабское лицо английской национальности».

Похоже, что не только авиацию наводили в тылу противника спецназовцы.

До посадки на площадку все в грузовой кабине молчали. То ли не было сил, то ли просто все привыкли. Пот, кровь, слёзы, боль и смерти – всё у старой карги под названием «война» связано друг с другом и идёт рука об руку.

Вертолёт коснулся колёсами шасси площадки. Бортовой техник быстро выскочил из кабины экипажа к подвижной двери. Винты ещё не остановились, а к Ми-8 уже подбежали сани-

тары из госпиталя и две медсестры. Тося не сразу согласилась, чтобы её первой вытащили из вертолёта. Мол есть более серьёзные раненные, чем она.

– Саша, только попробуй мне организовать госпиталь в Дамаске. Я тебя прибую, – заявила Антонина, когда я с солдатами тащил её на носилках.

Сирийские бойцы вопросительно смотрели на меня, будто не верили, что женщина может так смело разговаривать после ранения.

– Она сильно головой ударилась. Теперь много говорит, – сказал я на арабском, и парни заулыбались.

– Что ты им сказал? – спросила Тося.

– Сказал, что ты моя женщина, – улыбнулся я.

Тося сощурилась и загадочно посмотрела на меня.

– Саша, это ты официально заявляешь? – спросила Тося.

Белецкую приготовились принять в госпитале и попросили меня не заходить.

Постояв рядом с госпиталем и проводив Михаила, я пошёл к вертолёту. Рядом с ним шёл послеполётный перекур и... молчаливое обсуждение прошедшего задания.

Несколько спецназовцев, Тобольский и его экипаж, а также Кеша просто стояли полукругом. Никто ничего не говорил, а только смотрели под ноги и пускали дым.

– Сан Саныч, всё же я должен вам спасибо сказать, – протянул мне руку Иван, выбросив затушенный окурочек в сторону.

– Пожалуйста, но вытащили вас другие, – ответил я.

Тобольский прокашлялся и покрутил головой.

– Не-а. Не подбей вас, я бы не сел рядом с ними и не забрал бы их. Ваше падение отвлекло большую часть сил. Боевики рванули к вам, позабыв, что у группы Ивана был пленник. Только издалека продолжали обстреливать и всё, – объяснил Олег Игоревич.

Ну, пускай будет и так. Все молодцы.

– Кстати, а где пленный? – спросил я, и Ваня показал на УАЗ и пару внедорожников, уезжающих по песку в сторону палаточного госпиталя.

– Забрали. Сопин тоже с ними поехал. Мы особо не церемонились с полевым командиром и его надо подлечить, – ответил Ваня.

– Сопин сказал, что надо с ним быстрее разговаривать. Он много знает, – добавил Кеша.

– Много? – переспросил я и посмотрел на Ивана.

– Да. Я удивлён, что нам вообще позволили выбраться. Думал, этого парня застрелят. Чтоб только он нам не достался.

Я переглянулся со спецназовцами и Тобольским. Потом резко повернулся в сторону госпиталя. Столь важного боевика взяли и привезли в полевой госпиталь?

– Что за звук? – проговорил бортовой техник.

Нельзя было даже думать о плохом в такие моменты.

Этот характерный вой ни с чем не спутать. Шуршание летящих реактивных снарядов или просто «эрэсов» бьёт по нервам ещё на подлёте.

– Ложись! – крикнул я, оттолкнув в сторону Кешу и прыгнув в небольшую колею, оставшуюся от колёс.

Первый взрыв произошёл в двухстах метрах. Ещё один чуть дальше. Дым ещё не рассеялся, а из приёмного отделения доносились крики.

Глава 2

Пыль и дым постепенно рассеивалась. Запах гари ещё продолжал бить в нос. Шуршание «эрэсов» не было слышно. Зато становились всё громче и громче крики раненных.

– Быстро туда! – громко сказал я.

Поднявшись на ноги, я выскочил из своего временного укрытия и рванул в направлении палаток приёмного отделения.

– Саныч, помогу, – кричал сзади Кеша, но я бежал не оглядываясь.

Мысли были только о том, чтобы быстрее найти Антонину. Каждая минута может стать решающей в этой битве со смертью. О том, что она уже проиграна я и не думал.

– Быстрее... мужики! Несите их... туда! – вышел мне навстречу доктор, крича изо всех сил.

Похоже, его контузило. Голова у него была разбита, а из правого уха шла кровь. Белый халат стал грязно-алым.

– Куда?! Куда тащить?! – перекрикивал его Тобольский, прибежавший следом.

– В Дамаск тащите. Щас много раненных будет, – продолжал надрываться врач и, от бессилия сел на землю.

Осмотревшись, я увидел несколько тел убитых. Все застыли в неестественных позах. Кто-то с открытыми глазами, а кто-то и с улыбкой на окровавленном лице.

– Помогите! – кричала девушка, которая стояла на коленях и держалась за голову, мучаясь от временной контузии.

– Я ей помогу. Ищи Тосю, – обогнал меня Кеша, подбегая к девушке.

Протискиваясь через завалы из кроватей и медицинских стоек я искал Белецкую, но её нигде не было видно. Разбирая завалы, я не чувствовал усталости. Жар от взрыва уже ослабел.

– Вот он! – воскликнул я, обнаружив лежащего на полу Мишу Хавкина.

Он даже был в сознании и вроде бы совсем не пострадал. Родился в рубашке. Я помог его поднять, и Хавкина унесли в сторону.

Надо было продолжать искать Антонину. В стороны откидывал и кровати, и тумбочки, и разбитый шкаф...

– Нашёл... – тихо сказал я, откидывая один из деревянных шкафов.

Этот огромный деревянный ящик и придавил Антонину. Она лежала в гряде разбитых ампул и железных медицинских посуды. Без движения и без сознания.

– Ну же. Умирать нельзя, – проговаривал я, поднимая её на руки.

Кровь текла толстой струйкой по её щеке, с правой стороны одежда была порвана, а рана на ноге кровоточила ещё сильнее. Глаза закрыты, волосы перепачканы в пыли и крови, а дыхание было очень слабым.

– Сейчас-сейчас, – проговаривал я, пронося Белецкую через завалы в сторону сирийских вертолётов.

Наш Ми-8 был повреждён осколками, так что сейчас на нём лететь опасно. Другой вертолёт улетел утром и ждать его тоже было нельзя. Осталось только обратиться к сирийцам.

В то что я сейчас увезу её отсюда в госпиталь, у меня сомнений не было. И мне было плевать, какие у садыков задачи.

– Саныч, давай в тот вертолёт, – показал Сопин на Ми-8 с сирийским флагом на хвостовой балке.

Сам Игорь Геннадьевич тоже был ранен. На ходу он перевязывал себе руку и хромал в сторону вертолётов.

– Знали, твари, куда бить. Снова сдал кто-то, – рычал Сопин, подойдя к телу того самого араба, которого схватил спецназ.

Он был жив и при взрыве не пострадал. А вот представители сирийского мухабарата были мертвы.

Пока один из врачей показывал кого и куда нести, я уже был рядом с сирийским вертолётom.

Из грузовой кабины вылез сириец и несколько секунд смотрел на меня. Ощущение, что он только что проснулся и не понял, что произошло.

– Помогу, аль-каид, – сказал он и вместе со мной занёс Антонину в вертолёт.

Следом ещё принесли несколько раненных человек. Сирийские командиры раздавали указания и о чём-то быстро общались с Сопиным.

Пока сирийский экипаж запускал вертолёт, Игорь Геннадьевич подбежал к открытой подвижной двери.

– Сан Саныч, вам в Дамаск надо лететь. Передадим информацию, чтобы вас приняли в военном госпитале. Ты – старший, – сказал он.

– Понял.

– Удачи! – произнёс Сопин и крепко пожал мне руку.

– Спасибо!

Только Сопин отошёл, в грузовую кабину на полном ходу запрыгнула медсестра, а за ней и Кеша.

– Саныч, и куда ж ты без меня. Сам-то не ранен? – подсел ко мне Кеша и стал ощупывать меня.

– Да хватит меня жмакать!

– Всё-всё! Вижу, что здоров, – сказал Иннокентий и откинулся к стенке.

Вертолёт запустился, бортовой техник закрыл подвижную дверь. Ми-8 начал взлетать. Как только мы оторвались от земли, я осмотрел грузовую кабину.

Помимо Тоси, пострадавшие бойцы были в основном без сознания, либо в тяжёлом состоянии. Пол грузовой кабины покрывался каплями крови и испачканными бинтами, которые меняли пациентам две медсестры.

Антонину тоже обрабатывали, но выглядела она всё также бледно. Я старался не сильно сжимать её руку, но и не отпускать. Кончиками пальцев прощупывал её пульс. Каждый удар отдавался вибрацией по телу сильнее, чем тряска вертолёта.

– Что с остальными? – спросил я, когда мы заняли нужную высоту и перешли в горизонтальный полёт.

– Там ничего страшного. Есть погибшие. А остальных можно и на месте подлечить, – перекрикивал Петров шум в грузовой кабине.

Физически я уже и не замечал усталости, а о своих царапинах и вовсе позабыл. Будто и не было у нас утром боевого вылета с жёсткой посадкой и перестрелкой.

Но был ещё один момент, который нужно утрясти. Никто нам посадку в Военном госпитале Дамаска не даст. А это значит, придётся добираться с авиабазы Эль-Мезза.

Пока Антонину обрабатывали и накладывали повязку, я встал и прошёл в кабину экипажа. Похлопав бортового техника по плечу, я попросил у него гарнитуру. Сириец вопросов не задавал и передал мне наушники.

– Командир, – позвал я по внутренней связи.

– Да, аль-каид, – ответил мне лётчик с левого сиденья.

– Нам нужно будет в Военный госпиталь. Попробуй запросить посадку поближе к нему. Либо транспорт пускай в Эль-Мезза...

– Не стоит. Нам это не нужно, – перебил он меня.

– То есть?! – удивился я.

– Нам дали указание произвести посадку на территории Университетского госпиталя Аль-Асад. У меня такой приказ, – взглянул на меня командир экипажа.

Я немного опешил, поскольку в этой больнице работали лучшие врачи со всей Сирии. Многие из них получали образование в Европе и Советском Союзе. Да и вообще, в этом госпитале построены не все корпуса.

– Понял. Спасибо, – ответил я, похлопав сирийского лётчика по плечу.

– Это мы вам должны говорить спасибо, аль-каид. У Сирии не так уж и много друзей, которые будут воевать за нас.

Я кивнул и отдал гарнитуру бортовому технику.

Вернувшись на своё место, я почувствовал дрожь в руках и усталость по всему телу. Не знаю почему усталость нахлынула только сейчас. Ощущение, что я подсознательно теперь уверен, что Антонину будут лечить лучшие врачи и всё будет хорошо.

Ми-8 пересёк северную окраину города и взял курс на Университетский госпиталь. Не помню, чтобы кому-то вообще разрешали там садиться, кроме представителей семьи Асада и его ближайшего окружения. Да и над городом мало кому разрешено лететь.

А тут военный вертолёт и напрямую в больницу садится. Умеет Игорь Геннадьевич Сопин решать вопросы.

Мы начали снижаться, пролетая между высотными строениями столицы. Через минуту вертолёт коснулся площадки на заднем дворе главного корпуса. Бортовой техник открыл сдвижную дверь, а к вертолёту уже мчался с каталками медперсонал госпиталя.

Раненных быстро грузили и увозили в направлении входа. Когда вытащили Антонину, я отправился вслед за ней. Врач говорил по-русски и попросил описать ранения.

– Вижу, что в ногу огнестрельное по касательной. Ещё куда? – спросил врач, бегло осматривая Антонину.

– Потом были осколочные ранения. Голова разбита. На неё шкаф упал, – ответил я, аккуратно поправляя руку Тоси, которая спадала с каталки.

Мы вошли в здание. Коридоры больницы напоминали голливудские фильмы о врачах. Всё вокруг новое, натёртое до блеска. Сразу видно, что это больница для высоких чинов. Пока что я не понял, за что нам такая честь.

– Вам бы самому надо обработаться. Ваша фамилия Клюковкин? – указал мне доктор в сторону процедурной, из которой выбежала медсестра.

– Я в порядке. Хочу с ней остаться...

Врач остановил каталку перед лифтом и с укором посмотрел на меня.

– Конечно, останетесь с ней и будете вместе. С девушкой всё будет хорошо. А сейчас, идите с медсестрой. Потом вас проводят к палатам, где вы и подождёте.

Каталку с Тосей закатали в лифт, и передо мной закрылись двери. Следом привезли Мишу Хавкина, который уже был в сознании и... в шоке.

– Люди, только оставьте меня жить. Я ж ещё по моей Одессе не погулял вдоволь, – тяжело говорил Хавкин.

– Мишаня, всё будет. Следующим летом будет тебе и Одесса, и фонтан, – поддержал его Кеша.

– Ага. Ты таки знай Кешечка, если на фонтане не был летом, значит, лето было не фонтан... – начал говорить Миша, но его фразу прервали закрывшиеся двери лифта.

– Вот убей меня, Саныч, а Хавкин чересчур много разговаривает, – попытожил Кеша.

Меня и Кешу проводили в процедурную и сказали ждать перевязку. Что мне перевязывать, я не понимал. А где на Иннокентии нашли раны, мне непонятно вдвойне.

Однако нам обработали каждую ссадину и царапину, которую смогли обнаружить. Ещё и предложили форму для переодевания.

– Сан Саныч, а чего он какой-то... не такой совсем, – ёрзал в комбинезоне Кеша, поправляя ткань в промежности между ног.

– Наоборот. Самый что ни есть цельный комбинезон. Между прочим, ткань номэкс. Очень хорошая, – застегнул я молнию.

Лётный комбинезон явно был куплен где-то в Европе. Впрочем, многие сирийские лётчики летали именно в такой одежде.

– А как в нём в туалет ходить? Во! Нашёл! – посмеялся Иннокентий, обнаружив молнию всё в той же промежности.

После того как мы привели себя в порядок, нас провели на один из верхних этажей, где были отделения хирургии и травматологии. Палаты здесь были как двухместные, так и одноместные. Причём всё очень красиво и аккуратно. В каждой палате телевизор, кондиционер и куча всяческих удобств.

– Саньч, а нас куда ведут? Думаешь, в стационар отправят?

– Думаю, обойдёмся и будем лечиться амбулаторно, – ответил я.

Медсестра показала нам на небольшой мягкий диван, на который мы могли присесть.

– Я могу ещё вам чем-нибудь помочь? – спросила девушка.

– Нет. Спасибо, мир вам, – поблагодарил я на арабском.

– И вам! После операций за всеми ранеными будут ухаживать здесь. А к вам господин Асад сейчас подойдёт...

– Кто? – хором спросили мы с Кешей.

Хорошо хоть сдержались и задали вопрос негромко. Всё же, в больнице, а не на аэродроме находимся.

– Господин Басиль Асад. Он обо всём распорядился. Я думала, что вы знаете.

Медсестра ушла, оставив нас вдвоём с Кешей на диване. Петров ещё несколько секунд смотрел вслед этой симпатичной сирийке с длинными тёмными волосами.

– Саша, если бы я не был женат...

– Но ты женат. Тем более брак с иностранкой тебе ещё аукнется, – сказал я.

– Мда, но девушка хороша. А глаза-то какие карие! – мечтательно посмотрел в потолок Иннокентий.

Прошло ещё около часа, а никого из раненных не привезли. Кеша занял привычную для себя позу спящего орла и начал громко «вещать».

– Перед людьми неудобно, – толкал я Петрова в бок.

– Саньч, ну не могу я уже. Устал, – прикладывался спать Кеша.

Когда он в очередной раз прикрыл глаза, на каталке привезли Тосю. Её завезли в палату и уложили на большую кровать.

Я стоял рядом и поправлял ей постель. Тося мирно спала. Подойдя ближе, я дотронулся до её ладони и почувствовал тепло моей девушки. Было ощущение, что с ней всё будет хорошо. Нужно только время.

Тут вошёл врач и вывел меня в коридор.

– А вы всё ждёте? Это хорошо. Значит, она вам действительно дорога, – сказал он после того как я его поблагодарил за операцию.

– Безусловно.

– Значит, берегите её. Хватит с неё этой проклятой войны, – слегка приобнял меня доктор за плечи и ушёл.

Я стоял в коридоре и смотрел на Тосю через широкое окно. Не прошло и минуты, как в стекле отразились знакомые очертания лица человека в сирийской форме.

– Рад тебя видеть, мой друг, – сказал мне Басиль Асад, когда я повернулся к нему.

Сын президента Сирии был в форме капитана спецназа с несколькими планками наград на груди. А под погон был вложен красный берет.

Я крепко пожал ему руку, но он меня притянул к себе и обнял. Стоявшая за его спиной охрана таких объятий не ожидала и смотрела с удивлением.

– Я тоже рад. И спасибо тебе за помощь, – поблагодарил я Василия.

– Как я могу не помочь Герою Республики, столько раз рисковавшего ради меня и страны! К тому же я возвращаю долг. Когда-то госпожа Белецкая спасла мне жизнь.

– Знаешь, я в последнее время уже и не знаю, кто и кому помогает.

Басиль прищурился и попросил всё ему рассказать. Я ему поведал о многих случаях на северном направлении, когда предательство было налицо.

Сын Хафеза Асада задумался и начал ходить сложа руки на груди.

– Это ужасно, раз всё так происходит, но мы должны победить нашего врага. Иначе мира не будет в Сирии.

Я подошёл к нему ближе и решил сказать тихо, чтобы никто не слышал.

– Пока идёт война, гибнут сирийцы от рук сирийцев. В этой войне, как бы она ни закончилась, победителя не будет.

Басиль задумался и подошёл к окну палаты Антонины.

– Я так понял, что это твоя девушка? Просто так бы ты здесь долго не стоял.

– Всё ты правильно понял.

Басиль ещё раз посмотрел на Тоню и отошёл от окна.

– Береги себя, друг. И можешь за неё и других раненных не волноваться. Здесь за ними присмотрят. Мир тебе! – попрощались мы с Басилем Асадом, и он ушёл вместе с охраной.

К вечеру нас с Кешей вернули на аэродром. Только уже не на площадку рядом с Маарет-Эн-Нууман, а в Тифор.

Поспать в вертолёте не удалось, а вот на базе нас уже ждало командование в лице Мулина и командира смешанного полка Бунтова Леонида Викторовича.

Антон Юрьевич уже ждал всех лётчиков в классе постановки задач. Проверил чуть ли не по списку. Похоже, что начинается нарисовываться большая операция.

Тобольский сидел за столом и просматривал фотопланшеты. На них были снимки техники и установок комплексов ПВО. Судя по местности, это была провинция Идлиб.

– Всё серьёзно? – спросил я.

– Более чем. Чагаева ждём. Сказали прилетит и лично всё расскажет. У меня ощущение, что командование восприняло удар по госпиталю, как личную пощёчину. Пока вас не было, все рвали и метали, – покачал головой Олег Игоревич.

Что может нам сказать Чагаев, я понятия не имел.

– Товарищи офицеры! – скомандовал Мулин, когда в дверях появился Василий Трофимович в сопровождении замполита нашего контингента и командира смешанного авиационного корпуса.

– Товарищи офицеры, прошу садиться, – дал команду Чагаев, и все заняли свои места.

Мулин уступил место за трибуной командующему, а сам сел недалеко от меня.

– Не самый хороший день, а точнее дни, товарищи. Несём потери как в технике, так и в людях. Это плохо, – прошёлся вдоль доски Василий Трофимович.

Пока он подбирал слова, мне на ухо зашептал Тобольский.

– Работу с Ка-50 сказали заканчивать. Эту неделю, и всё. Я ещё даже акт не видел.

– Так мы его сами писать будем, – поправил я Олега Игоревича.

Внутри класса становилось жарко. Дышать уже было тяжело, но Чагаев продолжал громко говорить перед публикой.

– Мне нужно знать, какие есть ещё проблемы с ранеными? Всё им хватает.

Мулин поднялся с места и доложил.

– Товарищ генерал, в Университетской больнице Аль-Асад есть наши. Им нужна транспортировка в Союз, а ближайший борт...

– Завтра. Раненные полетят в Союз на моём Ту-134. Я же буду с вами здесь. Пришло время закончить с подпиткой нашего противника со стороны Турции.

Мулин сел, а Чагаев подошёл к карте.

– Теперь о главном. Как и планировалось раньше, мы будем высаживать десант на границе. Задействована будет практически вся авиация. Поэтому готовьтесь.

В словах «почти вся» было кое-что непонятное. Поэтому я и Тобольский смотрели на Чагаева, ожидая пояснения.

– И вы тоже. Ка-50 будет участвовать. Чтоб... прямо ответить по максимуму! – громко хлопнул он по столу.

Глава 3

Грохот от удара по столу Чагаева был сродни гонгу. Если честно, ощущение такое, будто генерал армии дал старт чему-то масштабному. Вот-вот должны мы будем идти на борт, запускаться и вырывать на исполнительный старт для взлёта. На фермах подвешены блоки НАР, управляемые ракеты, а пушки полностью заряжены...

Всего один раз в жизни я испытывал, что-то подобное. Когда началась..., но это всё было в прошлой жизни.

Василий Трофимович вновь замолчал и оглядел всех присутствующих. В коридоре послышались тихие шаги. В дверях появился знакомый мне человек.

Тот самый представитель КГБ, который был с Игорем Сопиным на базе в Тифоре.

– Скажете что-нибудь? – спросил у него Чагаев.

Вошедший статный товарищ кивнул.

– Я скажу банальщину, товарищи офицеры. Ситуация на северном направлении подошла к той самой точке, когда уже пересечены все красные линии. Есть вероятность полномасштабной военной операции со стороны турецких войск в приграничной полосе.

Представитель КГБ подошёл к карте и показал предполагаемые направления, откуда может начаться вторжение.

– Пока что идут приготовления. Все ждут команды, – закончил сотрудник Комитета и отошёл в сторону, заняв место у самой двери.

Чагаев провёл рукой по усам и расстегнул куртку комбинезона. Было видно, как капли пота выступили у него в районе висков. Чувствовалось, что генерал напряжён и сейчас он доведёт важное решение.

– Все объекты противника, угрожающие нам и Сирии, должны быть уничтожены. Средства у нас есть и, я надеюсь, ума тоже хватает, – сказал Василий Трофимович.

Генерал слегка перефразировал слова Кота Матроскина, но вышло тоже неплохо.

– Командир смешанного корпуса, доведите замысел операции, – дал команду Чагаев.

К карте вышел наш командир.

Впервые я увидел этого генерала. Обычно всё руководство осуществляет Мулин, а командир корпуса чаще всего был на южном направлении.

– Итак, задача следующая. В приграничной полосе наблюдаются большие скопления техники. В основном пикапы, легкобронированная техника и, в меньшей степени, танки. Но основная проблема – комплексы ПВО, которые находятся на территории Турции, но могут дотянуться до наших самолётов. Поэтому их необходимо вывести из строя к моменту начала основной фазы операции.

Командир корпуса довёл, что удар необходимо будет нанести в ближайшее время, чтобы не дать противнику развернуться на местности.

– Работаем с двух направлений. Первое – прибрежное, – указал командир корпуса на территорию к Западу от хребта Джебель-Ансария.

Генерал-майор пояснил, что в этом направлении будет работать группировка с базы Хмеймим. Как раз будет привлекаться третья вертолётная эскадрилья.

– Второе направление – к Востоку от хребта. Сирийские ВВС будут основной ударной силой. Поддерживает их два звена Су-24, звено Ми-28 и пара Ка-50. Общее руководство будет осуществляться с борта Як-44. Базируются здесь, на авиабазе Тифор. Вопросы?

Пока всё понятно. Осталось только узнать конкретно, что будем делать. Как пояснил нам командир корпуса, более подробно будут доведены задачи после согласования с Генеральным штабом в Москве.

– Операция должна получить одобрение сверху, – пояснил Чагаев.

Судя по его выражению лица, ему это не очень нравится. Ждать отмашки сверху, значит потерять весьма много времени. А с ним и сама возможность проведения операции.

– Конкретные задачи будут доведены через непосредственных командиров. Группе подполковника Тобольского остаться. Остальным отдыхать. Всем спокойной ночи, – распорядился Василий Трофимович.

Иннокентий не сразу понял, что ему тоже нужно уйти и слегка затормозился. Мне самому непривычно, когда его нет в кабине. Всё же мой штатный лётчик-оператор и лётчик-штурман!

Класс постепенно начал пустеть. За столами остались сидеть мы с Тобольским, экипаж Як-44 и наши лётчики с Ми-28. Даже Рашид Ибрагимов, вылечившийся от своего «гусарского насморка» сидел и улыбался.

– Чего случилось? – посмотрел Чагаев на Рашида.

– Старший лейтенант Ибрагимов, товарищ командующий! Никак нет. Ничего не случилось, – подскочил он со своего места.

– Да сиди, старлей, – махнул Чагаев и Рашид сел. – Это хорошо, что настроение хорошее. Нельзя в бой расстроенным идти, верно?

Василий Трофимович вновь посмотрел на Рашида, и тот всё так же резко вскочил на ноги.

– Так точно, товарищ командующий!

– Да что ты скачешь как трипперный заяц. Сиди сказал, – возмутился Чагаев и Рашид при этих словах слегка побледнел.

Когда Ибрагимов сел, то был неприятно удивлён.

– Эт значит Василий Трофимович знает?! Вот у человека осведомлённость.

– Эй, брат, он же командующий. Я уверен, что он и размер наших трусов знает, – предположил Рубен, сидящий с ним рядом.

Дверь в класс закрыли. Чагаев перешёл к разговору.

– Работа вашей группы подходит к концу. Доложите, Олег Игоревич, что вы думаете о Ка-50?

Тобольский встал, но Чагаев вновь указал на то, что мы работаем сидя. Это начинает становиться его «фишкой».

– Вертолёт ничем не уступает Ми-28, который уже был опробован в боевых условиях. Манёвренность, особенно в горных районах, очень хорошая. Мощности хватает, чтобы выполнять задачи в большом диапазоне высот и скоростей...

– Ясно. Проще говоря, пока вы готовы лишь общими фразами описать свои впечатления. Мне нужен ваш акт о работе группы «Конус» после окончания операции, – перебил генерал Тобольского.

Чагаев повернулся ко мне и посмотрел вопросительно.

– Вы что скажете, майор Клюковкин?

Сложно было что-то добавить, но все плюсы и минусы Ка-50 я и так знал. Да и Тобольский вкратце уже обрисовал ситуацию, но не до конца.

– Первое – КПД вертолёта за счёт соосной схемы выше на 15-20%, чем у вертолётной классической схемы. Вся мощность двигателей идёт только на подъём и поступательное движение...

– А если короче? – переспросил заместитель Чагаева, подвернувшийся ко мне.

– Поднимается выше, набирает высоту энергичнее и летает быстрее, чем одновинтовой.

– Ещё что?

– Второе – электроника прицельного комплекса «Шквал». Требуется доработки, но сама задумка с нацеленной системой прицеливания неплохая. И третье – безопасность. Иметь катапультное кресло во время боевых действий весьма удобно. К счастью, опробовать его не пришлось.

Генерал Чагаев кивнул и подошёл ко мне ближе. Тут я уже не стал сидеть на месте и встал.

– А что из минусов?

– Нужно внешнее целеуказание. Не всегда может с нами быть самолёт Як-44 или какой-то другой вертолёт. Плюс, сама концепция с одним лётчиком.

Вновь ко мне повернулся заместитель Чагаева.

– А тут вам что не нравится? Меньше народу будет подвергаться риску. Так два-три человека в экипаже, а Ка-50 один. В чём здесь проблема? – возмутился он.

– В том, что не каждый лётчик может сочетать в себе и пилота, и штурмана, и бортового техника. Тем более при полёте на предельно малой высоте.

– Но вы же сочетаете, – улыбнулся Чагаев.

– У меня уже достаточный уровень подготовки для этого. А мы создаём вертолёт в том числе и для молодого лейтенанта, только что окончившего училище.

Василий Трофимович кивнул и вернулся к своему столу. Его заместитель что-то быстро себе отметил в блокноте и обратился к командующему.

– Есть ли смысл продолжать?

– Есть. Нужно пройти всю программу до конца, как это и предписано задачами группы «Конус», – объявил Чагаев.

Его заместитель кивнул, и взял документ со стола. Он прокашлялся, бегло пробежался взглядом по листу и заговорил:

– Во время операции вам предписано находиться на аэродроме или площадке подскока. Обязательно соблюдать меры по рассредоточению техники. Будете находиться в положении дежурства на земле. По вызову с борта Як-44, взлетает звеном два Ка-50 и два Ми-28. Цели будут переданы. Плюс внешнее целеуказание может вам передать оператор Яка. Так что будьте готовы.

На этом совещание закончилось. По команде мы встали со своих мест и проводили взглядом Чагаева, который направился к двери.

– И кстати, – остановился Василий Трофимович и подошёл ко мне. – Поздравляю, Александр Александрович. Вчера был подписан Указ Президиума Верховного Совета о награждении вас и ещё нескольких человек высокими наградами. Лично вы награждены орденом Красного Знамени.

– Служу Советскому Союзу! – выпрямился я и пожал протянутую мне руку Василия Трофимовича.

Чагаев кивнул и вышел вместе с сопровождающими из класса. Тут же меня кинулся поздравлять Рашид и Рубен.

– Ай, Искандер Искандерович! Опять большой орден! – тряс мою руку Ибрагимов.

– Это надо отмечать. Мы же с вами не сразу полетим. Можно и отдохнуть, – показал Рубен силуэт бутылки.

– Я ещё ничего не получил. И вообще, вы тоже в указе будете. Это наверняка за тот случай, когда вы на вынужденную сели, – объяснил я.

Братья «по-разному» задумались. Они уже и забыли об этом инциденте, когда мы сопровождали Василия Трофимовича. В окрестностях авиабазы Хама нас и атаквали.

Придя в комнату в здании высотного снаряжения, я начал готовиться ко сну. Остальные тоже начинали замолкать. Кроме, конечно же, Рубена и Рашида.

– Медсестра в Думейре была. Ах эти чёрные глаза! Ты их видел, Рубенчик?! Я в них всё время в госпитале смотрел. Только вот девушка постоянно молчала и улыбалась.

– Рашид, ты опять?! Только починил свой... прибор и опять куда-то его сунуть не туда хочешь? – возмутился Рубен.

– Ай, нормально. Я ей сказал, что лежу после ранения, но уже восстановился. Я ей даже шрам показывал, – хвалился Рашид.

Не знаю, стоило ему сказать, что любая медсестра может спокойно узнать его диагноз в госпитале?

Перед сном я решил выйти на улицу и подышать воздухом. Рядом с входом в «высотку» была небольшая беседка. Вот только в ней было уже занято. И не одним человеком.

– Я вас предупредил, Олег Игоревич. Это...

– Не нужно мне угрожать. Мне в этой жизни уже много кто угрожал, товарищ полковник, – услышал я голос Тобольского.

– Я вам не угрожаю, а предупреждаю. Или вы сами это сделаете, или я «походатайствую». И тогда вашей блестящей карьере конец. Ещё раз говорю, я вас предупредил, – сказал Мулин, чей голос звучал злобно.

Впрочем, как и всегда, заместитель командира корпуса говорил надменно и шипел на своего собеседника.

Из беседки Антон Юрьевич вышел вместе с Бунтовым, который шёл за полковником, будто провинившийся сын за мамой.

– Вы тоже не затягивайте. После операции, чтобы у меня было решение, – услышал я Мулина.

Командиры отошли подальше, и я направился в беседку. Интересный был разговор на ночь глядя. И другого места не смогли выбрать, чтобы выяснить отношения.

– Насыщенный день, верно? – подошёл я к беседке.

Тобольский в это время подкуривал очередную сигарету и смотрел в небо.

– Богат на события. Присаживайся, Сан Саныч, раз не хочешь спать, – предложил комэска мне сесть.

– Вам смотрю тоже не дают спать. В чём дело, командир? – спросил я.

– Ни в чём. Я про операцию поговорить хотел. Как ты думаешь... – сменил тему Тобольский, но я его перебил.

– Олег Игоревич, не переключай канал. Ночью в беседке и с Мулиным ты мог бы только поспаринговаться. Чего он от тебя хотел?

Тобольский затушил только что начатую сигарету и повернулся ко мне.

– Скоро я уеду. Как только закончим с Ка-50, меня отправляют домой. Формально – по личным обстоятельствам.

– А не формально? – спросил я.

Тобольский посмеялся, но увливать не стал.

– Давай посчитаем. Только за сегодня два Ми-28 выведено из строя, один Ми-8 уничтожен. Причём вся операция выполнялась под моим руководством. Добавь к этому уничтоженный Ми-28 в результате аварийной посадки в районе Хама и не самые хорошие отношения с... гражданином Мулиным. Получается много причин для поездки домой. Да и неудобен я для Антона Юрьевича.

Не самое правильное решение убирать опытного лётчика и командира в такой момент. Ещё неизвестно кто придёт на смену Олегу Игоревичу.

– Так что... как-то так, Саша. А сейчас пора спать, – показал мне Тобольский на вход в здание высотного снаряжения.

Сразу я не пошёл, а остался ещё пару минут посидеть и подумать. С такими перестановками о надёжности управления говорить сложно.

Утром после постановки конкретных задач началась подготовка к перебазированию. Колонна топливозаправщиков выдвинулась раньше, а техсостав был в готовности по команде загрузиться в вертолёты и лететь на назначенную площадку подскока. Как-никак, а с Тифора работать неудобно и слишком далеко.

– Пока что нет ясности, когда мы будем работать. Нет понимания, когда вообще начнётся операция, – негодовал Тобольский, собрав всю нашу группу в ангаре с вертолётами.

Ми-28, как и Ка-50, хранили в арочных укрытиях. Всё же, «мышонок» точно такой же дорогой и пока ещё экспериментальный вертолёт. Пусть Ми-28 уже и понюхал порошу большой войны.

Я прошёлся вокруг Ка-50, поглаживая вертолёт по фюзеляжу. Были видны заделанные пробоины, а сам борт, казалось, уже в предвкушении вылета.

– Сан Саныч, как насчёт попробовать новые ракеты? Мы модифицировали «Вихрь», – объяснял мне инженер-испытатель, подойдя со спины.

– Когда вы только успеваете! «Вихрь» ещё сам по себе новая ракета. А вы уже новую «пилите», – ответил я, проверив, как закреплены ракеты на точках подвески.

Тобольский ходил рядом со своим вертолётom, смотря на него влюблёнными глазами. К изделию В-80 он явно «прикипел душой». Жаль, что от концепции с одним лётчиком придётся отойти. Но нам нужно настоять на том, чтобы появилась двухместная машина Ка-52.

Так время и пролетело до заката солнца. Всё это время я держал рядом с собой снаряжение и автомат. А также Кешу, который никак не хотел поверить, что в этой операции я буду один. Петрову почему-то не нашлось места на Ми-28, поскольку экипажи были штатные. Иннокентий же летает в 90% случаев со мной.

Сидя на ящиках рядом с вертолётom в глубине арочного укрытия, я уже начал засыпать. В этот момент и поступила команда.

– Сан Саныч, воздух команда была! Все летим на новую площадку, – прибежал меня будить Рубен.

– Понял. Название и координаты площадки дали? А то будем как слепые котятa искать её в темноте, – спросил я, надевая шлем.

Вертолётy начали выкатывать на площадку перед ангаром и распределять по бетонке.

– Дали. Называется Масеран. Сама площадка 2 километра на юго-восток от города, – сказал Хачатрян, поправляя свою разгрузку.

– Понял, – ответил я и быстро оценил место, куда нужно прилететь.

Забравшись в кабину и установив связь с руководителем полётaми, по команде Тобольского начали запускаться. Недалеко от вертолётa стоял Кеша, который с трудом удерживал кепку от воздушных потоков, отбрасываемых винтами.

Обороты двигателей вышли на расчётные параметры. Вертолёт «оттримирован» и ждёт разрешения на взлёт. Предвкушение большого дела была весьма серьёзным. По сути, Ка-50 мы готовимся использовать «по-взрослому». Без оглядки на его сохранность.

– Тияс-старт, группа 201-го готова к взлётu, – доложил Тобольский, включив строевые огни для выполнения полётa.

Диспетчер не торопился отвечать, что уже не радовало. Прошла минута, вторая, третья, а команды так и нет. Я посмотрел в сторону одного из Ми-8 с нашим техсоставом.

Боковая сдвижная дверь была открыта, а сам вертолёт уже был запущен. Именно там было какое-то движение. Судя по всему, кто-то дал команду поменять молодого командира экипажа, который был в кабине. Время тянулось долго.

В какой-то момент я уже выучил все параметры и положения стрелок на приборной панели. Дважды проверил систему «Экран» и работу телевизионного индикатора. Всё работает, а вот взлетать так никто и не даёт.

– Внимание! Циркулярно всем экипажам, добрый вечер! 201-й, группе взлёт разрешил. Интервал держим 200 метров в паре, – услышал я голос в эфире, который напомнил мне старого знакомого.

Оторвавшись от стоянки, мы взяли курс на Масеран. Следом поднялись в воздух два Ми-8 с личным составом. А уж замыкали строй Ми-28, которые выполняли к тому же ещё и роль прикрытия «восьмёрки».

Полёт был спокойным. Никаких эксцессов, если не считать свербящую мысль – кто же скрывался за столь знакомым мне голосом в эфире?

– Площадку наблюдаю. Заход, – дал команду Тобольский на подлёте к Масерану.

Площадка была полностью тёмной. Никаких опознавательных знаков и освещения. Поэтому и заходили аккуратно, осматривая всё с помощью фар. Пару проходов пришлось сделать и Ми-8, прежде чем их экипажи нашли место для посадки.

В кромешной тьме, я завис над поверхностью и медленно опустился. Вертолёт слегка дёрнулся и застопорился на земле. Тут и начали включать фары автомобилей, которые приехали на площадку заранее. Стало уже не так темно и тоскливо. Я смог разглядеть и несколько палаток, выставленных в разных местах.

Открыв дверь кабины, я начал вылезать. Спустившись, я услышал, как за спиной ко мне приближались. Наверняка техники уже идут готовить вертолёт.

– Спасибо за матчасть! На сегодня всё... оу! – воскликнул я обернувшись.

Ну ничего себе какие люди!

Глава 4

Есть люди, с которыми я бы никогда не хотел больше увидеться. Дай бог им здоровья, конечно. А вот с этим человеком немного не так. Точнее, совсем не так!

– Александр Клюковкин, рад тебя видеть! – громко сказал, стоявший напротив меня Батыров и протянул мне руку.

И вот как мне теперь обращаться к этому академику?!

– Димоон! – крикнул я на радостях.

Тут же Батыров обалдел, но в свете фонарей обиды на лице я не увидел. И если честно, то давно мне так не было приятно нарушать субординацию. Ведь, я полагаю, Батыров старше меня по должности.

– Эх, вот скучал я по этому обращению. Хоть это и не по уставу... И кстати, я уже подполковник – крепко обнимал меня Дмитрий.

К нам начал подходить народ, так что с обращением «Димон» надо будет повременить. Это неприлично и не уважительно, по отношению к моему другу и однополчанину.

Ух ты! Уже подполковник! А ведь уходил в Академию новоявленным капитаном 4 года назад.

– Вот мне скажи – ты все так звания будешь получать досрочно и в качестве поощрения? – тихо спросил я, намекнув Батырову, что он быстро дорос до подполковника.

– Всё по закону. Да и кто бы говорил! Я когда узнал, что Клюковкин – майор, несколько раз переспросил, – улыбнулся Дима, и мы ещё раз крепко обнялись.

За спиной Батырова уже стояла целая очередь военнослужащих, выпрямившихся по стойке «Смирно». Димон медленно развернулся к ним и подошёл ближе.

– Первое – связь. Устанавливаете, и сразу мне доклад. Я должен как можно быстрее поговорить с командованием. Второе – личный состав разместить и выставить охрану. Пока всё.

Батыров был суров как никогда. Сразу видно, что Академия пошла на пользу.

В свете луны и фар от автомобилей было видно, как по полю начали перемещаться солдаты и техсостав. Причём так быстро, будто у них в одном месте подгорает.

По словам Дмитрия, нашу площадку подскока командование решило оснастить всем необходимым. Сделать фактически полевой аэродром. Сюда заранее пригнали и взвод охраны, и представителей связи, и палатки устанавливать к нашему прилёту.

– Сергеевич, а ты теперь кто в Сирии по должности? – уточнил я, когда Батыров подошёл к моему вертолёту и начал осматривать его кабину с фонариком.

– Пока что заместитель командира смешанного авиационного полка. Был сюда назначен со своего тёплого местечка в управлении Армейской авиацией, как обладающий боевым опытом и не дюжим желанием, – сказал Батыров.

Ну вот теперь-то он точно не Димон. Должность в управлении – весьма хорошее распределение. Но меня ещё интересовал вопрос о состоянии его здоровья. Судя по его одежде и снаряжению, он вернулся на лётную работу.

– Пряма-таки было желание? С твоими болячками только в Сирию ехать, – вспомнил я о тяжёлых ранениях Батырова.

Димон пожал плечами и достал... свои любимые сигареты БАМ. Как будто ничего более качественного не купить в Москве.

– Болячки прошли и не прошли одновременно. Три года меня мурыжили и вот вернули в строй. На Чкаловской восстановился в полётах, и через полгода направили сюда.

– Опасно. Ты давно не летал, – заметил я.

– Да нормально, – махнул Дима рукой и закурил.

Нет, это всё тот же Батыров. Вечно напряжённый командир, с бегающими глазами и зна-ток инструкций. Но я рад ему.

Сергеевич рассказал, что в семье всё хорошо. Светлана, супруга Димона, переживала, когда услышала, что его в Сирии отправляют. Мол не до конца от Афганистана ещё отошла, а тут опять.

– Ладно, Сан Саныч. Пойдём осматривать место для ночлега, – объявил Батыров.

Только мы отошли от вертолётa, как к Димону подбежал связист и начал докладывать о проблемах.

– Товарищ подполковник, аппарат громкоговорящей связи не работает. Мы не можем...

– Это не оправдание. Выполнить мою поставленную задачу и доложить. Сломался аппарат, значит чините. Нет кабеля, так давайте его привезём. В чём проблема? – перебил связиста Батыров.

– Всё понял. Ещё полчаса и будет готово, – отрапортовал связист.

– Через 35 минут нажимаю тангенту и выхожу на командование. Время пошло.

Связист убежал, а я был под впечатлением от изменений в поведении Дмитрия. Умеют людей учить в академии! Пока мы дошли до сооружённой для нас палатки, Батыров успел вздёрнуть ещё пару человек.

Пройдя мимо места стоянки Ми-28, Дмитрий решил подойти и поздороваться с техниками и инженером по вооружению. Его-то он и поймал с лёгким амбре.

– Что вы скажете в своё оправдание, товарищ лейтенант? Вы офицер? – сурово отчитывал Дмитрий одного из инженеров по вооружению.

– Так точно. В прошлом году окончил училище.

– Прекрасно. И куда попали служить?

– В Венгрию, товарищ подполковник...

– Это место не для вас. Вам на море надо служить. Карском! В качестве командира отделения бойцов, страдающих плоскостопием, с целью точной оценки воздействия радиации на мозги и потенцию военнослужащих. Устроить?!

Вот так перепрограммировали Дмитрия Сергеевича! Такие фразы бросает, что надо записывать за ним.

– Я сделаю по вам выводы после первых боевых вылетов. Самые серьёзные выводы, товарищ лейтенант! – сказал Батыров и отпустил молодого инженера.

Как только мы отошли от вертолётa, я остановился увидев Тобольского, который шёл в нашем направлении. Димон предложил нам втроем обсудить завтрашнюю работу, а уже потом довести всё до инженерного и лётного состава.

Олег Игоревич и Димон поздоровались, познакомились и прошли вперёд меня в палатку. Я шёл следом.

Нашу брезентовую П-38 установили среди деревьев в небольшой лесопосадке. Только Батыров вошёл в палатку, как один из лётчиков подал команду.

– Товарищи...

– Не нужно, мужики. Всех приветствую, – поздоровался с каждым из лётчиков Батыров и занял свою кровать в дальнем углу.

Все быстро разложились и приготовились слушать указания Димона.

– Итак, наша задача – быть наготове к вылету. В какой-то степени, мы аварийно-спасательное подразделение, резерв ставки... подбирайте какие угодно названия. С началом операции мы с вами у вертолётов и ждём команду. Цели и курсы получаем уже после команды на вылет. Поэтому здесь самые подготовленные.

В этот момент руку поднял Рубен. Батыров разрешил ему сказать.

– Дмитрий Сергеевич, а вы же Герой Советского Союза и служили с майором Клюков-киным в Афганистане? – спросил Хачатрян.

Батыров улыбнулся и посмотрел на меня.

– Да. Было такое. Ещё и в Соколовке служили, но этот этап я предпочитаю не вспоминать.

– Конечно. Соколовка, Могоча, Магдагачи – весьма курортные места... – посмеялся Рубен, но тут же успокоился, когда на него посмотрел Батыров. – Виноват, товарищ подполковник.

– По делу есть вопросы? – уточнил Димон, но все промолчали.

Утро начиналось спокойно. Слегка открыв один глаз, я смотрел на свою руку, свисающую вниз с кровати. Кончики пальцев немного не доставали до деревянного настила, который был в палатке. Лучи солнца пробивались через вход и падали мне на ладонь, слегка пригревая её. Ветра не было, что заставляло всех в палатке изнывать от жары. И это несмотря на осень.

Подняв голову, я посмотрел на соседнюю кровать, где должен был спать Батыров. Но постель была заправлена. Даже одеяло натянуто, будто у солдата срочной службы. И в этот момент снаружи послышался топот ног.

– Быстрее! Команду не слышали?! – громко кричал кто-то на улице.

– Готовим! Быстрее!

– Давай АПАшку сюда!

Глаза у меня открылись моментально. Как и у остальных лётчиков. Тобольский и вовсе сразу встал и начал одеваться. Только в этот момент в палатку зашёл невысокого роста солдат в сирийской форме. В таком оливковом обмундировании ходили наши солдаты и многие офицеры.

– Товарищи... офицеры! Команда старшего оперативной группы – всем на КП, – сказал солдат, поправляя каску.

– Принято. Собираемся, – скомандовал Олег Игоревич, но все уже и так начали собираться.

Я быстро натянул тот самый песочный сирийский комбинезон, который мне подарили в больнице Аль-Асад. Другого у меня ведь теперь нет.

– Саньч, жилет, – передал Рашид Ибрагимов мне мой аварийный запас с обновлённым запасом магазинов.

– Автомат. Благодарю, – попросил я Рубена передать мне АКС из ящика.

Я быстро проверил экипировку. Жилет застёгнут, пистолет и магазины в наличии. Наколенный планшет в кармане. Кроссовки затянуты. Теперь и воевать можно!

Мы быстро переместились в небольшое строение, обтянутое маскировочной сетью. В округе таких построек было немного, но только это можно было использовать для нахождения там штаба. Просто только у этого строения была крыша.

– Да. Мы в готовности. Понял, начинаете, – услышал я Батырова, когда мы вошли на так называемое КП.

Димон неплохо здесь всё организовал. Тут и его рабочее место, и места офицеров связи. Даже место оперативного дежурного отмечено табличкой. В центре четыре стола, на которых разложена карта.

Со всех сторон идёт прослушка каналов управления. Слова на арабском перебиваются громкими командами на русском. А за окном уже слышны звуки разрывов вдалеке.

Батыров продолжал быть на связи со штабом, держа трубку красного телефона у самого уха. А если быть точным, то от трубки у него была красной ушная раковина.

Я подошёл к карте, над которой склонился Тобольский и один из местных офицеров.

– Операция началась. Чересчур быстро. Ударили по складам, опорникам и районам сосредоточения, – показал нам цели ударов офицер.

– А наша теперь задача? – спросил я.

– Вот пытаемся выяснить. Минут 15 назад начались звонки, почему мы ещё не взлетели, – покачал он головой.

Впрочем, всё как всегда. Есть и сумбур, и здравый смысл.

– Да. Понял. Записываю, – громко сказал Батыров и подозвал к себе оперативного. – 35°50'48" и 36°...

Димон записал координаты какой-то точки и повесил трубку.

– Так... экипажи Ми-28 и одного Ми-8 ко мне, – объявил Батыров.

Он начал показывать на карте, куда нужно будет высадить группу сирийских командос. Судя по координатам это горный район хребта Джебель-Ансария.

– Задача ясна? Вперёд. Удачи! – пожал Батыров руку каждому.

Экипажи вышли из помещения, а Батыров опустил на своём месте. Я присмотрелся. Левая рука слегка дрожала у Димона, а капли пота выступили на лбу. Сергеевич пытался справиться с волнением. Пока это ему удавалось.

– Может мы пойдём, Дмитрий Сергеевич? – спросил Тобольский, который тоже изрядно вспотел, находясь в снаряжении.

– Пока нет. Сказали всем быть наготове.

– Нам идти из палатки две минуты, Сергеевич... – начал говорить Олег Игоревич, но тут Димон не выдержал.

– Я сказал быть здесь! – повысил он голос на Тобольского.

В этот момент, кажется, все перестали дышать. В помещении все замолкли. И только из динамиков были слышны переговоры в эфире.

– Занял 6000. Связь с Артеком, – прозвучал в эфире спокойный голос одного из лётчиков.

Батыров смотрел на всех, продолжая дышать через нос. Щёки покраснели, а сам он выглядел сейчас как разъярённый бык во время корриды. Но Тобольский не из тех, кто будет проглатывать подобное.

Олег Игоревич сделал шаг к Батырову, но я остановил его.

– Я сам, – шепнул я, поймав недовольный взгляд комэска.

– Попробуй.

Димон уже вернулся к своим делам, что-то помечая в бумажках и графиках. Я подошёл к нему, чтобы обратиться.

– Дмитрий Сергеевич, предлагаю пойти на разговор, – сказал я.

– Спасибо, но пока не хочу, – буркнул он.

– Это важно, Дмитрий Сергеевич.

Батыров вопросительно взглянул на меня, достал пачку и протянул мне. В этот момент я кивнул в сторону выхода, намекая Димону, что нужно выйти.

– Пойдём, – тихо сказал он и вышел вместе со мной.

На улице уже началась жара. Ми-28 раскрутились и были уже готовы взлетать. В Ми-8 загружались сирийские спецназовцы, которых сюда оперативно подвезли.

Только мы зашли за здание, как над нами пролетели один за другим вертолёты. Как только гул стих, Димон тут же прикурил сигарету и крепко затянулся.

– Не говори ничего, Саш. Я всё понял, но извиняться не буду, – сказал Батыров.

– Естественно. Ты замкомандира, он – комэска. Извиняться ты не обязан. Да и не оскорблял его. А вот кричал-то ты зачем?

– Так надо. Или не надо? – вопросительно посмотрел на меня Батыров.

– Ты начальник. Решения принимаешь тоже ты. А вот кричать не стоит. Тем более что у всех яйца вспрели в помещении, пока ты думаешь. Нам реально из палатки пару минут бежать. Афган не помнишь, как мы палатку экипажа ПСС поставили рядом со стоянкой?

– Да. Было такое.

– Я тебя учить не собираюсь, как с личным составом разговаривать. Но не забывай, что ты – Герой Советского Союза. И на тебя все смотрят. А Олег Игоревич, между прочим...

- Знаю кто он. Таких как он мало.
- На них армия и страна держится, – сказал я и похлопал по-дружески Димона по плечу. Батыров закончил курить, вновь достал сигарету и протянул мне.
- Зачем? – спросил я.
- Ты ж просил сигарету?
- Я не курю, Сергеевич. Оставь себе, тебе ещё много нервничать придётся, – улыбнулся я. Мы вернулись на командный пункт. Батыров первым делом отпустил нас в палатку, но попросил остаться меня и Тобольского.
- Я должен сказать честно, Ка-50 не хотят пускать в бой. Слишком он дорогой.
- Олег Игоревич зацокал, а я положил автомат на стол с картой. Ничего удивительного в такой постановке задачи от высокого командования нет.
- Сливают «камовский» проект? – спросил Тобольский.
- Да. Ваши доводы по двухместной соосной машине никому не интересны. Так что, боюсь Сирия – лебединая песня «акулы»...
- В этот момент зазвонил телефон, и Димон метнулся к нему.
- Батыров. Да, товарищ генерал! Уже взлетели... – продолжал Дмитрий докладывать. Тобольский пожал плечами.
- Впрочем, я это и предполагал. При столь хорошем Ми-28 зачем нужен ещё один боевой вертолёт, – сказал Олег Игоревич.
- Нужен. Его не просто так задумывали. Он ещё сыграет свою...
- Я не договорил. Внимание привлёк напряжённый радиообмен со стороны наших лётчиков.
- Понял, понял, понял. Ухожу, – быстро затараторил кто-то в эфир.
- Запретили вам работу! Запретил! Запретил! – звучал звонкий голос оператора Як-44. Я подошёл ближе, начиная настраиваться на каждое сказанное в эфир слово.
- Уходи! Отстрел, 103-й! Отстрел, 103-й!
- Тяну, тяну!
- 612-й, наблюдаю цель. Выход из зоны. Высокое, режим «Догон». Дальность 30, – начал наведение оператор.
- Рядом со мной встал Тобольский. Разговоры на КП вновь затихли. Батыров бросил в сторону трубку и вышел из-за стола.
- 103-й, манёвр!
- Да ухожу, твою ж мать!
- Секундная пауза, которая будто растянулась на несколько минут. И в эфире полная тишина.
- 103-й, 103-й! – вновь громко закричал кто-то в эфире.
- Ещё одна пауза, которая должна была вот-вот закончиться. В комнате все молчали, а у меня вновь дрянное чувство дежавю.
- Борт 12103, пожар левого двигателя! Пожар правого двигателя! – начала работать РИта, возвестившая о том, что наш самолёт сбит.
- Катапультируйся, 103-й! – опять закричал тот же самый лётчик.
- Дальше была самая настоящая «свалка» в эфире. Оператор одновременно и наводил самолёты, и уточнял что со сбитым экипажем. Только через пару минут прозвучал доклад о двух куполах в воздухе.
- Но это ещё только начало.
- Тарелочка, 105-му. Они к границе уходят. У нас есть кто-нибудь там?
- 105-й, вас понял, к границе. Будем разбираться.
- Там как бы не наша уже... зона, – задумчиво произнёс в эфир 105-й.

Я повернулся к Батырову, который уже звонил командованию. Мне и каждому в комнате было ясно, что мы ближе всех к зоне боевых действий. И других свободных вертолётов в этом районе сейчас нет.

Время шло, а никаких команд не поступало. С момента катапультирования уже прошло порядка пятнадцати минут. Тут Батырову вновь позвонили.

– Да. Да это район... Конечно, понимаю. И что вы хотите? Нет, у Ми-28 не хватит топлива и они слишком уже далеко. Товарищ генерал, я... – прервался Дима и посмотрел на меня и Тобольского.

Батыров опустил трубку, но пока не вешал её.

– Сказали ждать Ми-28. Передавать им координаты, – тихо сказал Дмитрий.

– У нас в готовности два Ка-50 и Ми-8. Возьмём группу эвакуации. В чём проблема? – спросил я.

– В том, что Ка-50 нельзя использовать.

Я выдохнул, повесил автомат на плечо и надел шлем.

– Тогда на хрен он такой нужен?! – сказал и пошёл к выходу.

Следом за мной заспешил и Тобольский. Выходя из комнаты, я услышал, как хлопнула по столу телефонная трубка и послышались быстрые шаги.

– С вами полечу, – обогнал меня Батыров, быстро надевая разгрузку.

Не самое лучшее решение с его стороны. Он не так много летал последние годы. Видимо, штабная работа начинает надоедать Батырову с самого начала.

– Сбили Су-24. Два члена экипажа и местонахождение точно неизвестно есть район поиска. Будем искать.

– Кто экипаж? – спросил я.

Батыров помотал головой и остановился на секунду.

– Сбили экипаж полковника Мулина.

Вот так новость! Такому человеку, как заместитель командира корпуса попадать в плен нельзя никак. Тут есть опасения за важные сведения в случае допросов и пыток. А они точно будут!

Я быстро прыгнул в Ка-50 и начал запускаться. В наушниках продолжались плотные разговоры. Особенно спрашивали, что там с катапультировавшимися. Никто к земле не снижался, поскольку в приграничном районе это весьма опасно. У противника есть комплексы ПЗРК и различные зенитные установки.

Запуск произвёл. Все системы в работе. Вертолёт слегка покачивается, готовясь к взлёту.

– Внимание, 201-й, паре взлёт. Я за вами, – дал команду Батыров.

– Понял, 202-й, внимание! Отрыв! – сказал в эфир Тобольский.

Медленно я поднял рычаг шаг-газ. Ка-50 начал аккуратно отрываться от запылённой площадки, поднимая пылевую завесу. Продолжаю тянуть рычаг, чтобы взлететь чуть выше пыльного облака.

– Разгон, паашли! – скомандовал Тобольский, и я отклонил ручку управления от себя.

Нос наклонился, и вертолёт начал набирать скорость. Весьма быстро, по сравнению с тем, как разгоняется Ми-8.

– Прибор 150. Ждём 115-го.

– Принял, – ответил я Олегу Игоревичу.

Батыров вскоре тоже взлетел и следовал за нами на ощутимом удалении. Первая наша точка – ориентировочное место приземления одного из лётчиков находилось в окрестностях Идлиба.

Про себя я уже подумал, что там сейчас идут бои и некоторые районы ещё могут быть под контролем противника.

– 115-й, Тарелочке, – запросил Батырова оператор Як-44.

– Ответил.

– Район поиска – юго-запад Идлиба. Населённый пункт Хербет-эт-Тин. Есть информация, что там.

– Понял. 201-й, как приняли информацию?

– Подходим к расчётной точке. Пока никого не вижу, – доложил Тобольский.

Мы продолжали идти парой над высохшими землями. Время сейчас обеденное, а значит самая суровая жара. Как ещё в этом районе не наблюдаются боестолкновения, непонятно.

– Вижу внизу! Выполняю вираж, – доложил я, отклоняя ручку управления вправо.

На большом пустыре лежал оранжевый парашют, который всеми силами пытались оттащить двое местных жителей – женщина и мужчина.

– Вижу бой внизу, – оторвался я от наблюдения за парашютом.

Я быстро сориентировался, что нужно разворачиваться. Сделал перекладку и заложил крен почти 45°, продолжая разворачиваться влево. Взгляд направил вперёд в район строений деревни.

В центре деревни были видны поднимающиеся клубы пыли. Похоже, что и правда шёл стрелковый бой. Только совсем неравный.

– 1-й, цель вижу. Два строения со стрелками. Готов работать, – доложил я включая «Главный».

– 202-й, понял. Вижу. И нашего тоже, – ответил мне Олег Игоревич.

Его вертолёт выполнял резвый разворот на горке на другой окраине городка. Будем заходить на цель с разных направлений.

– 115-й, видим нашего. Готовы прикрывать, – доложил Тобольский.

Я переставил тип вооружения на управляемые ракеты. На индикаторе лобового стекла высветилась дальность до цели. Уже даже загорелась команда С о разрешении пуска. На большом экране просматривается изображение цели с символом ТА – включение лазерно-лучевого канала наведения.

– Цель вижу. Готов, – доложил я.

Прицельная марка уже на цели, а дальность до неё 4.7 километров.

«Восьмёрка» Батырова по его же докладу кружилась позади нас в пяти километрах.

Я продолжал держаться на боевом, стремительно скользя над землёй и выходя на рубеж пуска. Быстро приближался к дому, за которым находились боевики.

Мысль была в том, чтобы не зацепить ещё и нашего пилота. Так что придётся бить прицельно.

Пальцы легли на гашетку пуска ракет, а команды всё нет.

Рубеж пуска!

– Атака, 202-й!

Глава 5

Линия визирования высветилась на индикаторе лобового стекла. Прицельная марка совмещена. Палец аккуратно зажал гашетку пуска. Одна секунда, две...

– Пуск произвёл, – доложил я, продолжая удерживать вертолёт на линии атаки.

Ракета вышла из контейнера, сделала пару витков и устремилась к цели. До взрыва 10 секунд. Перед собой наблюдаю, как тёмная точка приближается к искомому объекту. Ещё немного и...

– Есть. Ухожу вправо, – доложил я, наблюдая, как строение погрузилось в облако песка и пыли, а крыша обрушилась.

– Понял. На боевом. Внимание... атака! – произнёс в эфир Тобольский.

Я ввёл вертолёт в разворот, проносясь над крышами отдельно стоящих домов. Краем глаза увидел устремившуюся ракету, выпущенную с борта Ка-50 Олега Игоревича.

И вновь взрыв! Пыль ещё не осела, а очертания остатков строения уже видны. На месте здания, где занимали позиции боевики, образовалась груда камней и развалин.

– На повторный. Наблюдаю нашего. Здание в 150 метрах от взрыва, – произнёс я, заметив, как себя оранжевым дымом обозначил наш лётчик.

– 115-й, площадка готова. Можно...

– Запретил! Запретил! – влез я в эфир, заметив приближение противника.

Три пикапа с пулемётами уже неслись в район, где подымались клубы оранжевого дыма. Так легко нам лётчика местные духи, террористы, мятежники... неважно как их называть, не отдадут никогда.

– Понял. Запретили, – ответил Батыров.

Подлети Димон сейчас, и на посадке или взлёте вертолёт бы расстреляли.

– Справа бьют! – доложил я в эфир, уводя Ка-50 от очереди из крупнокалиберного пулемёта.

– Вижу. На боевом. Буду «трещоткой» работать, – ответил мне Тобольский.

Сейчас он будет применять пушку. В условиях, когда рядом наши войска или спасаемый нами человек в непосредственной близости с противником, точность превыше всего.

Я вновь сманеврировал, уводя вертолёт от очереди из пулемёта. Солнце слегка ослепило во время отворота, и в этот момент вертолёт сильно трянуло.

Ещё несколько выстрелов. Один из снарядов попал в правый борт. Ощущение, что булыжник в бок прилетел.

Надо дать возможность Тобольскому выйти в положение для атаки.

– Захожу от солнца, – доложил Олег Игоревич.

По курсу буквально выросла линия электропередач. Ручку отклонил на себя. Вертолёт слегка задрал нос и плавно набрал пару десятков метров высоты. Тут же ещё одна очередь.

Теперь отворот вправо. Силуэт на командно-пилотажном приборе показал очередные 45°. Голову слегка прижало к правому блистеру.

– Внимание! Атака! – произнёс в эфир Тобольский.

Взрыв. Затем ещё один. Две машины буквально подбросило вверх. А столб огня и пыли взметнулся на несколько метров. Я видел, как Олег Игоревич в последний момент успел сманеврировать и не попасть под осколки.

– Я 103-й! Терплю бедствие! Терплю бедствие! – пробивался в эфир голос нашего лётчика.

Помехи были большие и сложно было разобрать каждое слово.

Следующий заход на цель выполнял уже я. Нашлемное визированное устройство всё так же в работе.

– Цель вижу. К работе... готов, – доложил я после появления счётчика дальности до цели. Силуэт машины аккуратно совместил с зоной визирования. Дальность 4.5.

– Пуск! – доложил я.

Ракета ушла в сторону пикапа.

Мощный взрыв, и автомобиль исчез в облаке пыли и пламени. Тобольский выполнил проход над местом боя, но больше сопротивления не было. Пора забирать.

– 115-й, наблюдаю площадку. Выполняю посадку, – доложил Батыров.

Ми-8 медленно подошёл к пустырю. Пока несущий винт вертолётки разметал вокруг себя камни и пыль, из покосившегося здания начал бежать наш лёгчик. Давалось это ему с трудом. Видно было, что он сильно хромал.

Пока происходила эвакуация, мы продолжали с Тобольским кружить над местом боя.

Где-то вдалеке продолжались бои. Серые и чёрные клубы дыма поднимались над Идлибом, окутывая его подобием смога. Противник серьёзно окопался и не хочет сдавать позиций.

– На борту. Взлетаем, – произнёс Батыров и начал отрываться от поверхности.

Делал он это медленно, с присущей ему академичностью. Слишком плавно он разгонял вертолёт вдоль земли.

– Тарелочка, 115-й, забрали второго. Первый не обнаружен, – доложил Димон.

– Вас понял. Район поиска в районе хребта Ансария. Дальше подскажем.

– Тарелочка, 115-й понял. Ждём команды, – запросил Батыров.

Я проверил запас топлива. Вполне можем ещё час выполнять задачи, а затем долететь до Хама.

Батыров начал отворачивать на горный хребет. Если Мулин там, то его слишком далеко отнесло. Видимо, прыгнули с большой высоты.

– 115-й, вам на курс 330°. Поиск в районе Басанкуль.

– Понял, выполняем, – ответил Батыров.

Вот теперь будет всё гораздо сложнее. Указанный район – самая что ни есть территория «Чёрных орлов» – группировки, подконтрольной Турции.

И для них сбитый советский лёгчик – трофеем серьёзный.

Пролетев несколько километров, я обнаружил обломки самолёта. Части Су-24 были разбросаны среди нескольких сопков и уже почти догорели, отбрасывая вверх чёрный дым.

Узнать в этой груде покорёженных и обгоревших обломков «рашпиль» можно было только по одной из консолей крыла.

– Борт обнаружил. Четыре километра северо-западнее Басанкуль. Ориентир – отметка 507, – доложил я.

– Пошли вправо, – дал команду Тобольский, и мы начали выполнять вираж над местом падения.

Следов Мулина не видно. Яркий оранжевый купол парашюта должен быть недалеко. Не бывает такого, что он приземлился бы на слишком большой дальности от самолёта.

Странно, но никаких следов боевиков в этих местах. Ни брошенных опорников, ни разбитой техники. Даже пара деревень, что находятся на склонах холмов, выглядят брошенными.

– Пройду вдоль сопков, – сказал я в эфир, направляя вертолёт к расщелине между возвышенностями.

Не прошло и секунды, как Тобольский резко сманеврировал и ушёл ближе к земле.

– На склоне слева что-то мигнуло, – проговорил он, слегка запинаясь.

Я машинально отвернул вертолёт, но ничего за этим бликом не последовало.

– 115-й, над сопками повнимательнее, – сказал я в эфир.

– Понял, – ответил Батыров, но он держался в стороне.

Так не бывает, чтобы нам отдали так просто катапультировавшегося лётчика. Я смотрел по сторонам и продолжал искать следы Мулина. Ничего тут особого не было. Сопки невысокие и хорошо просматриваются.

Да только есть одно место, которое сильно меня настораживало.

– 201-й, над расщелиной пройду, – доложил я.

Подлетая к этому земляному провалу, я и увидел оранжевый купол. И недалеко от него Мулина. Без движения.

– Вижу его. На краю расщелины. Лежит и не...

В этот момент с вершины одной из сопки потянулся дымовой шлейф. Ощущение, будто кобра бросилась из укрытия.

– 2-й, слева ракета! Слева! – громко сказал Тобольский.

– Понял, понял. Вправо пошёл! – ответил я, уходя со снижением вниз.

Пока я начал маневрировать от ракеты отстреливая ловушки, по вершине отработал Олег Игоревич.

А ракета продолжала лететь в меня, извиваясь из стороны в сторону. Отстреливать ловушки не прекращал, но за столь ярким салютом, я потерял её из виду.

– Ушла в сторону, – произнёс Тобольский, отворачивая с боевого курса.

Но это было явно не всё.

– Справа, справа ещё одна! – произнёс я, прижимаясь к земле и пытаясь скрыться за неровностями рельефа.

– Потерял из виду. Не вижу! – громко сказал Тобольский.

Я тоже не видел самой ракеты. Стоило вынырнуть из-за сопки, как небо расчертил дымный след и что-то взорвалось на средней высоте.

– Мимо прошла! – громко сказал я.

Тобольский слишком сильно ушёл вперёд и спикировал вниз, пытаясь прикрыться складками местности.

Вдруг с вершины ещё одной сопки, практически в упор ударил крупнокалиберный пулемёт. Пара снарядов попали в правый борт, но Броня выдержала.

– 201-й, ещё работают, – произнёс я в эфир.

Ка-50 выдержал ещё пару попаданий, но на этом надо было заканчивать бегать. Ручку отклонил от себя, разогнавшись вдоль расщелины.

– Манёвр! – скомандовал я и выполнил горку.

Тут же резко развернулся, сбрасывая скорость до 120 км/ч. Вертолёт опустил нос, и теперь я мог рассмотреть расположение огневых точек.

Зенитные установки замаскировали прямо в склонах сопки и гор.

– Цель вижу. Атака! – доложил я, повисая на ремнях во время пикирования.

Я плавно нажал на гашетку пушки. Вертолёт от мощной отдачи начал «мандражировать». Эффективность этого оружия большая! Боевики побежали в разные стороны, а снаряды буквально перемололи на своём пути тела людей.

– Вывод, – произнес я, «взяв» ручку управления на себя.

Вертолёт вышел из пикирования, но передо мной оказался другой склон. И здесь тоже были засады.

– 115-й, иду забирать. Прикрывайте.

– Запретил посадку! – успел громко сказать Тобольский, разбираясь с целями на другом направлении.

Тут и я пустил один залп С-8 по боевикам. Ракеты ушли, а я успел отвернуть влево, чтобы не столкнуться со склоном. Воздушный поток буквально сметал верхний слой земли, поднимая пыль.

На выводе успел увидеть, как в воздух поднялись клубы дыма. Скучковались эти парни тут очень компактно.

Задумка ясна. За сбитым лётчиком прилетят обязательно. И вертолётов будет много. В три раза больше вариантов заработать гору «грязных денег»!

– 115-й, боевики на склонах, – сказал я, предупреждая Димона, что пока садиться нельзя. Куда он только торопится? У нас ещё есть возможность зачистить всё.

– Понял, – ответил Батыров и снова отвернул в долину. – Тарелочка, Тарелочка, я 115-й. Противник в районе Басанкуль. Идут подкрепления.

Смысл последних слов я понял не сразу. Однако, пришло понимание, зачем Димон торопится. Выполнив горку, я отвернул в сторону Тобольского.

Олег Игоревич, выводя вертолёт из пикирования, уже вёл свой отдельный бой. Со стороны границы приближалось большое количество боевиков на бронемашинах и пикапах. И вот это было уже совсем плохо.

– Готов работать, 1-й, – доложил я.

– Понял. Захожу на колонну и атакую.

На индикаторе лобового стекла вновь высветилась прицельная марка. Нашлемное визирное устройство опустил на правый глаз. Начал совмещать с целью.

Первая машина была уже уничтожена. Осталось добить колонну до конца. На ИЛС высветилась команда С – пуск разрешён.

– Марка на цели. Пуск! – произнёс я, нажимая гашетку.

Ракета ушла к цели. На экране в центре приборной доски был виден силуэт бронированной машины. До встречи с целью оставалось пять секунд.

– Попал! Ушёл левее, – доложил я.

Тобольский подтвердил приём информации, но в его голосе не было оптимизма.

Напряжение росло с каждой атакой, а топливо продолжало уходить. Времени на решение у нас немного.

– Я 115-й, больше времени нет. Забираю, – произнёс Батыров.

– Понял, – ответил я, и направил вертолёт в сторону Ми-8.

Вертолёт Димона практически чиркал «брюхом» землю, чтобы подойти как можно ближе к месту посадки.

– Буду заскакивать, – произнёс Батыров.

Всё-таки Димон что-то ещё помнит из наших афганских заходов на площадки.

Рядом с котлованом может сесть только один вертолёт.

Тобольский дал ещё один залп по южному склону. Стали видны очередные подрывы, а дымом снова заволочло всю сопку.

– 202-й, иду на посадку, – доложил Батыров, начиная выполнять горку перед посадкой на возвышенность.

Его вертолёт пролетел в паре сотен метров от меня и направился к площадке рядом с котлованом.

– Прикрываю слева, – доложил я, пристроившись чуть выше Ми-8.

На северном склоне наблюдаю, как собирается ещё одна банда. Только никто не стремится спускаться вниз. Переключаюсь на пушку и даю залп.

Склон погрузился в пылевую завесу, а движение прекратилось.

– Вижу справа! – громко произнёс Тобольский, атакуя наступающих к сопке боевиков.

Я резко развернул вертолёт и встал в вираж над местом посадки Батырова. Только бы быстрее он забрал Мулина.

Во рту было совершенно сухо, а комбинезон под моим жилетом промок насквозь.

– 202-й, две минуты и взлетаю, – услышал я информацию от Димона.

Следом я выполнил очередной вираж, контролируя склоны, но взлёт затягивался. Внизу было видно, как полковника ещё только тащат в грузовую кабину.

– 115-й, побыстрее, – подсказывал в эфир Тобольский.

– 30 секунд.

Я выполнил ещё один залп из пушки по поступающим боевикам. Олег Игоревич, всё это время продолжал работать на дальних подступах.

– 115-й? – запросил я.

– Взлетаю! – громко доложил Дмитрий.

Ещё немного и он отойдёт от места приземления Мулина. Чем ближе этот момент завершения, тем больше наступает чувство тревоги. Чересчур ведь всё хорошо.

Ми-8 тяжело, но оторвался от площадки. Надо чтобы он тоже отстреливал ловушки, но этого нет.

В это время я заканчивал очередной разворот. Момент самый что ни есть хороший, чтобы пристроиться к вертолёту справа. Батыров уже в паре метров от склона и аккуратно наклонил нос, чтобы разогнаться.

Но слишком всё было гладко.

Столб дыма возник справа от Ми-8. Серый спутный след, будто змея, начал вилить из стороны в сторону и... устремился к «восьмёрке».

– Пуск! Пуск! Отстрел! – скомандовал я.

Расстояние совсем небольшое, и никуда Батырову уже не деться. Скорость он не набрал и высота маленькая.

Впереди сопка. Уйти в сторону уже не выйдет. Если выполню подскок, смогу прикрыть правый борт. А там уже Батыров увернётся.

– Влево уйди! – скомандовал я.

Тепловые ловушки вышли с правого и левого борта, чтобы прикрыть вертолёт во время манёвра.

Я отклонил ручку на себя, набирая высоту. Голову откинуло назад от столь резко набора высоты.

Ка-50 быстро перелетел вершину сопки. Вертолёт Батырова, словно в замедленной съёмке, начал уходить влево. Я быстро отклонил правую педаль, прикрыв левый борт «восьмёрки». От столкновения с ним ушёл, а вот серая «гадюка» совсем рядом...

Дыхание остановилось. Пульс практически пропал, но началась пульсирующая боль в районе висков. Внутри всё сжалось, словно пружина.

Взгляд мой был направлен влево. Вслед улетающему в сторону Ми-8 с людьми в грузовой кабине.

Удар в правый борт и вертолёт закрутило. Следом ещё один удар. Всё вокруг вращается. В ушах прерывистый тревожный сигнал. По всей кабине мощнейшая вибрация. Настолько сильная, что чувствуешь как дрожат щёки.

Приборная панель похожа на мигающую новогоднюю ёлку. А печально известная женщина начала зачитывать скороговорками список отказов.

Глава 6

– Пожар правого двигателя. Пожар левого двигателя... – звучал голос РИты.

Следом послышался громкий крик, пытающийся перекричать речевой информатор.

– Горишь! Горишь, 2-й!

– 115-й, что у вас? Доложите!

– Правый... левый горит!

Все фразы собрались в кучу, а руки и ноги по-прежнему продолжали бороться за спасение вертолёт.

– Давай... давай, – приговаривал я, но ничего не помогало.

Управление не работало, обороты двигателей падали, а в кабине уже ощущался запах гари. Вертолёт продолжал валиться вниз, падая на соседнюю сопку.

– Тангаж... крен, – продолжал я говорить, пытаюсь изо всех сил вытянуть Ка-50 из этого неконтролируемого падения.

Рыжая поверхность земли приближалась. Такое уже было у меня с этим вертолёт... но нет, не такое!

– Прыжок! Прыжок! – звучала в ушах чья-то команда.

Ещё раз попытался отклонить на себя ручку управления, но всё тщетно. Вот теперь, действительно пора!

Я отпустил органы управления и быстро занял нужную позу. Руками схватился за «держки» и потянул их вверх. Движения были быстрыми, что я даже не заметил, как надо мной что-то начало взрываться.

Как будто каждый день такое проворачивал.

Вертолёт, кажется завис на мгновение и резко опустил нос. Тут же ещё один взрыв над головой. Всё очень быстро, но каждая процедура катапультирования оставляет свой отпечаток в памяти.

И тут меня, будто невидимой рукой, что-то выкинуло наружу.

Спина, ноги и ягодицы особенно сильно затяжелели. Все что есть единицы перегрузки, которые может дать буксировочная ракета, в один момент обрушились на меня.

Ускорение вжало в спинку кресла. Ощущение, что сейчас я сложусь пополам или в какую-нибудь дугу. Придавило так, что не вдохнуть, не выдохнуть. Шлем так и норовит сорваться с головы.

Кажется, что кожа лопнула под давлением изнутри.

Тут выключился реактивный двигатель, спинка кресла отделилась, и я повис на стропах парашюта. Теперь можно оглядеться по сторонам.

– Ааа! – прокричал я от свалившегося напряжения.

Внизу уже горел фюзеляж покинутого мной вертолёт, а до самого приземления оставались считанные мгновения.

Удар о землю, и я завалился набок, оказавшись на каменистой поверхности. Прокатившись по земле и расцарапав щёку с ладонями, я начал приходить в себя. Но в глазах ещё было темно. То ли от светофильтра, то ли от перегрузки.

Постепенно я встал на одно колено, освободился от парашюта и осмотрелся. Взорвавшийся от падения Ка-50 горел чёрным пламенем, а его боекомплект ещё продолжал взрываться.

Надо было уйти в укрытие, чтобы не попасть под какие-нибудь осколки. Только я поднялся, как тут же рядом ударила очередь из автомата.

– Берём! Живее! – услышал я громкие крики на арабском.

Силы ещё полностью не вернулись. Идти было невероятно сложно. Тело ещё ощущало последствия аварийного покидания.

– Вон он! К вертолёту не подходить! – донёсся до меня голос одного из боевиков.

Ещё одна очередь совсем рядом со мной. Видно, что не пытаются убить, а только ранить. Собрал все силы, я добрался до каменного валуна и залёг.

Автомат снял с предохранителя, развернулся и дал первую очередь по наступающим. Один боевик вскрикнул и свалился в сторону. Остальные залегли.

Тут по камням заработал пулемёт, разбивая их в пыль. Пока шёл мощный обстрел, я полез в карман за радиостанцией.

– 201-й, 201-й! Веду бой. Северный склон, как принял? – начал говорить я в микрофон, но рация отказывалась работать.

Ещё раз попробовал вызвать, но ничего не вышло.

– Да какого чёрта! Как всегда не вовремя! – ударил я Р-855 о землю, но и это не помогло.

А так надеялся.

Двое боевиков с повязками на головах, начали заходить справа. Я быстро дал по ним очередь и ранил одного. Второй начал оттаскивать своего побратима.

Как-то уж слишком быстро меня нашли. Катапультировался я с высоты не более 100 метров, а «бармалеи» тут как тут.

И их тут тьма в этом районе. Как сегодня атаковали опорные пункты, понятия не имею.

Ещё один подход боевиков. Теперь пошли с трёх направлений. Я перешёл на одиночный огонь, чтоб сэкономить патроны.

Несколько пуль ударили совсем рядом. Осколок камня отлетел мне в бровь, разбив её. Кровь попала в глаза и очень напрягала.

– Да где же вы?! – приговаривал я, меняя позицию.

Такое чувство, что мои товарищи улетели на базу. Звука винтов неслышно, зато что-то гремело за холмами.

Очередная волна боевиков. Пули бьют уже совсем рядом. Несколько и вовсе пролетели слишком близко. Щекой почувствовал тот самый жар, который исходит от них.

Потратил ещё один магазин, но атака так и не закончилась. Еле успеваю отстреливаться. Боевики уже рядом.

И мысли о последней гранате тоже.

– 202-й... заходим... забирать, – прорвался чей-то голос в динамике радиостанции.

Земля затряслась, и над головой пронёсся Ми-24, расстрелявший несколько снарядов из пушки. Следом ещё один, добивавший боевиков. Противник начал искать место где спрятаться, но всё тщетно.

Следующий на цель зашёл Ка-50 Тобольского. И завершили карусель пара Ми-28. Большого прикрытия я и не мог желать. Где-то за холмами ещё раздавались взрывы, а мой вертолёт уже догорал в низине. Тут показался и Ми-8, заходящий на пустой участок каменистой поверхности, держась подальше от обломков Ка-50.

Несущий винт разметал в стороны камни и песок. Я каждой клеткой ощущал этот воздушный поток. Мощный ветер приятно обдувал лицо, будто смахивая все следы от непродолжительного боя.

Ми-8 ещё не коснулся земли, а я уже направился к нему. Долго задерживаться нельзя. Ноги практически не передвигаются от усталости, но я продолжал идти к вертолёту. Только вертолёт приземлился, как дверь грузовой кабины открылась.

Первым выскочил бортовой техник, а вот вторым показался Димон Батыров с автоматом наперевес. Видимо, управление в данный момент держит его лётчик-штурман.

– Саня, ты как? Как состояние? Может что-то болит? – начал перекрикивать шум винтов Батыров, когда он вместе с бортачом подхватил меня.

– Не-а, Сергеевич. После такой посадки со мной всё в полном порядке, – с сарказмом ответил я.

– Раз шутишь, значит и правда всё в порядке, – сказал Батыров, помогая мне забраться по стремянке.

Только я влез в грузовую кабину, как сразу упал на скамью. Силы окончательно заканчивались. Рана на брови саднила, во рту было сухо, как в сирийской пустыне.

Посмотрев на присутствующих, я встретился взглядом с эвакуированным штурманом. Он сидел облокотившись на стену, и смотрел в одну точку. А вот Мулин лежал на лавке и смотрел на меня не моргая.

Внешне полковник был ранен сильнее меня. Голова разбита, зубы дрожали, а нога кровоточила несмотря на перевязанную рану. Похоже, что катапультирование он перенёс хуже всех из нас троих.

Вертолёт оторвался от земли, а я повернулся к иллюминатору. Мне хотелось посмотреть на мой вертолёт, который до конца сегодня исполнил свой долг.

Обломки Ка-50 ещё горели. Спасённый им Ми-8 отошёл от земли и отвернул на юг, пролетев рядом с поверженным, но не проигравшим вертолётom. Правду говорят, что в каждой машине, будь то самолёт или вертолёт, есть душа.

Только наш вертолёт занял расчётный курс, к нам пристроились два Ми-24 с сирийскими флагами на хвостовых балках. Всё же есть садыки, на которых можно положиться.

Через двадцать минут мы произвели посадку на базе Хама. Винты ещё не успели остановиться, а к вертолётu подъехали сирийские врачи.

Первым они вывели штурмана, которого сразу уложили на каталку. Хоть он и сопротивлялся.

Я же, уставший не меньше его, решил от такой привилегии не отказываться. По мне так, лёжа ехать в больницу даже лучше.

Про Антона Юрьевича такого сказать не могу. Он выглядел не лучшим образом. С его болячками, о которых до меня доходил слухок, только катапультироваться. Мулин старался не двигаться, когда его вынесли на брезентовых носилках.

– Не торопитесь. Я уже никуда не спешу, – произнёс я, когда меня покатали к машине скорой помощи.

– Но вы ранены. Нам приказано вас троих доставить в госпиталь, – сказал мне один из врачей.

Транспортировать нас решили на «таблетке». Только не УАЗ-452, а вертолётe Ми-8 с красным крестом и полумесяцем на борту. Рядом с ним меня и догнал Батыров.

– Ну... ты как? Как твоё состояние? Только честно! – спросили меня Димон, поправляя разгрузку на груди.

– Нормально, Дим. Но я бы хотел отдохнуть. Как бы редко кому с вертолётa получается так выйти, как мне, – улыбнулся я.

– Ещё никто не применял катапульту с вертолётa. Так что теперь ты можешь смело себя называть испытателем парашютных систем.

– Ох, я так рад этому! – посмеялся я.

Мою каталку подвезли к вертолётu и приготовились загружать. Батыров остановил врачей, и нагнулся ближе к моему уху.

– Сань, спасибо. Ты ж нас просто собой прикрыл. Удивительно, как тебе это удалось, – поблагодарил меня Батыров и крепко пожал руку.

Думаю, этого вполне достаточно.

– Главное, что удалось. Как именно, оставим другим людям выяснять, – сказал я, и меня начали затаскивать на борт.

Снаряжение у нас забрали наши товарищи. Как и всё оружие. Мы остались только в лёгких комбинезонах.

Внутри грузовой кабины, переоборудованной под размещение раненных, даже кондиционер работал, давая прохладу пациентам. Только мы разместились, как начали запускаться двигатели Ми-8.

После взлёта, мы заняли курс на Дамаск, а именно всё в ту же Университетскую больницу Аль-Асад. Думается, что в неё мы не по распоряжению Басиля Асада летим. Наверняка личность Мулина сыграла свою роль.

В больнице меня определили в отдельную палату. Внимание персонала было ко мне особым, что тоже наводило на мысль – кто-то со стороны всё это организовал.

Догадки были, но я не особо на этом акцентировал внимание. Больше всего я размышлял о том, чем закончилась операция в провинции Идлиб. Есть ли успехи у правительственных сил?

Все эти вопросы мне даже не с кем было обсудить. В больнице советских военных не было, а сирийцы с ходу отвечали, что победа за ними. Что уж говорить про телевидение. И да, в палате у меня был самый настоящий цветной телевизор японской фирмы.

На утро после госпитализации начали заглядывать и посетители. Но один был особенным. Именно сегодня больницу посетил Чагаев.

– Добрый день! – поздоровался Василий Трофимович, зайдя в мою палату.

Командующий ограниченным контингентом медленно вошёл в палату, одетый в белый халат поверх песочной формы. За ним следом показались ещё несколько человек в таком же одеянии. Были среди них и сирийцы.

Я попытался встать, но генерал меня остановил и сказал, что я могу сидеть на кровати.

– Как здоровье, майор? – спросил он, пожимая мне руку.

– Всё хорошо. Бровь зашили. Осталось пройти обследование и можно выписываться.

– Не торопитесь. На ваш век хватит, Александр Александрович. Но меня другое интересует – ваш поступок. Он граничит с безумием и бесстрашием. Подставить борт вертолёт под удар – не каждому дано.

– Но меня так воспитывали. Мы своих не бросаем. Какая бы ни была ситуация, – ответил я.

Василий Трофимович подошёл ко мне и потрогал в районе лба. Будто температуру у меня решил проверить.

– Вроде хорошо себя чувствуете, верно? – спросил генерал.

– Так точно. Если позволите вопрос, – ответил я и генерал молча кивнул. – Кто сбил Су-24? Я не успел узнать у экипажа.

Чагаев выдохнул и переглянулся с остальными подчинёнными.

– Турецкий истребитель. Это была засада и провокация. Но вы уж об этом не беспокоитесь, – сказал Чагаев, пожал мне ещё раз руку и направился на выход.

Почему не беспокоитесь? Сейчас по идее должен быть громадный скандал. Турция, по сути бросила перчатку Советскому Союзу.

– Ещё раз, вы – молодец, Клюковкин. А потому заслужили отдых. После выписки оформляетесь и убываете в отпуск. Это приказ.

Глава 7

Внешнее спокойствие Чагаева могло означать лишь одно – у нашего командования выработано решение на ответные действия. Как только он вышел из палаты со своими сопровождающими, я подошёл к телевизору и включил его.

Что-то в новостях уже однозначно должно быть. Такой инцидент не может остаться незамеченным.

– Сбитый накануне турецким истребителем советский бомбардировщик Су-24 выполнял полёт над территорией Сирии. Это подтвердили в военном руководстве нашей страны, – выступал диктор новостей сирийского Первого канала.

В Сирии именно этот канал был основным в эти годы. Эра спутникового телевидения ещё не наступила.

Меня же больше интересовало, что сказали в Советском Союзе. Ситуация-то весьма серьёзная.

Наш самолёт сбит истребителем страны, с которой мы не воюем. Официально Турция не помогает сирийской так называемой «оппозиции». Зато на территории северных провинций Сирии действуют вооружённые отряды группировки, которая признана в Турции политической партией. Это я про «Чёрных орлов».

Ну и вишенкой в моих рассуждениях является то, что Турция – член НАТО. Но есть у меня сомнения, что кто-то в этом «североатлантическом собрании» хочет воевать с Советским Союзом.

– Пресс-служба Североатлантического альянса выступила с заявлением по итогам прошедшего вчера экстренного совещания представителей стран... – сообщил диктор ещё одну новость.

В этом самом заявлении были одни сплошные обвинения, опасения, настороженности и обеспокоенности. Я же всё продолжал ждать заявлений с нашей стороны. Может кто-то выступит и прояснит ситуацию?

В коридоре раздался кашель. Я повернул голову в сторону двери, ожидая что именно ко мне сейчас войдёт этот человек. Пускай у меня с ним было не так много встреч, но этого представителя КГБ запомнил.

– Добрый день, товарищ Клюковкин, – появился на пороге моей палаты тот самый человек, с которым я виделся перед высадкой группы нашего спецназа.

В одной руке у него был пакет, а в другой портфель.

– Приветствую. Чем обязан? – спросил я.

Статный мужчина сегодня был одет в бежевую рубашку с серым галстуком и тёмные брюки. И он по-прежнему изучающе смотрел на меня большими зелёными глазами.

– Ничего такого не подумайте. Я вас зашёл проведать, пока полковник Сопин занят делами на базе. Это вам, – протянул он мне заполненный фруктами пакет с эмблемой известных сигарет.

Ну да! Просто так сделал крюк до Дамаска, чтобы мне апельсинов принести. И фиников, и гранат, и яблок, и ещё разных фруктов. Не покупились мой гость.

– Щедрое угощение. Спасибо большое, – поблагодарил я и поставил пакет рядом с кроватью.

– На здоровье. Как себя чувствуете? Я знаю, что катапультирование не всегда проходит гладко. У меня много... знакомых лётчиков. Да я и сам долгое время жил и работал во Владимирске.

– В Испытательном Центре ВВС? – спросил я.

– Не в нём конечно, но общие дела делали, так сказать, – улыбнулся комитетчик, присел на стул рядом с кроватью, а портфель поставил рядом.

В это время на экране телевизора показали турецкого президента, выступающего с заявлением по поводу сбития Су-24.

– Не может быть никаких сомнений, что мы сделали всё, чтобы избежать этого инцидента. Но нужно уважать право Турции защищать свои границы, – сказал президент Турции Кенан Эврен.

Я достал из пакета яблоко и протянул его гостю.

– Не откажусь, – улыбнулся он, взял у меня ярко-красный фрукт и пошёл в ванную комнату.

Телевизор всё ещё громко работал. Новостной выпуск по-прежнему продолжался в атмосфере рассказа об инциденте на границе Сирии и Турции в провинции Идлиб.

Наконец-то, показали и реакцию наших руководителей. С заявлением выступил только заместитель главы советского Министерства иностранных дел.

– Накапливается критическая масса террористических проявлений на турецкой территории. В связи с этим наши переговоры в Стамбуле, которые должны были состояться на следующей неделе, отменяются. Также приостанавливается действие Соглашения о развитии экономического и научно-технического сотрудничества от 1977 года и другие договорённости с Турцией...

Мой гость вышел из ванной комнаты и направился к двери.

– Думаю, что можно выключить... – предложил я, встал и подошёл к телевизору.

– Не стоит. И так поговорим, – откусил яблоко представитель Комитета и закрыл дверь. Он снова вернулся и сел напротив меня.

– Вы весьма проницательный человек, Александр. Догадываетесь, почему я здесь? – спросил мой гость.

– Ну явно не яблочко скушать и телевизор со мной посмотреть.

– Верно. «Чёрные орлы» это прокси компании Блэк Рок, с которой вы уже пересекались. Су-24 был сбит истребителем Ф-16. Это подтвердил наш лётчик, который вступил с ним в бой. Ф-16 в эти годы Турция только заказала. Основную часть парка составляют Ф-4.

– Как я понимаю, неуспешно? – спросил я.

– Думаю, уровень подготовки пилотов Блэк Рок вам известен не понаслышке. Лётчик, сбивший наш самолёт ушёл от ракеты. Он выпонил переворот и ушёл вниз. Занял предельно малую высоту и скрылся. Всё очень быстро и профессионально.

Тут и дураку понятно что в Блэк Рок лохов не держат. Однако мы всё так же далеки с этим товарищем от сути нашего разговора.

– Давайте к делу.

Мой гость заглянул в свой портфель и достал оттуда папку. На переплёте был номер 880. Такое ощущение, что я где-то подобную папку встречал уже.

– А дело вот в чём. Поезжайте в отпуск, а потом сразу сюда. Для вас есть работа. Намекну вам, что дело очень серьёзное, – сказал представитель Комитета, что-то отметил на листе в папке и убрал её обратно.

– Настолько, что даже не намекнёте в чём оно заключается? И вообще, такие вещи нужно согласовывать с моим руководством.

Представитель КГБ мило улыбнулся в ответ на мою претензию.

– Понял. Херню спросил, – махнул я рукой.

– Поправляйтесь, отдыхайте, и я вас жду, товарищ Клюковкин, – пожал мне руку сотрудник конторы.

Тут я вспомнил, что даже имени его не знаю.

– А мне как к вам обращаться? – спросил я, когда мой гость был уже рядом с дверью.

– Можете обращаться ко мне Леонид Борисович. До встречи!

Ох и не люблю я их «до встречи»! Так и хочется сказать вслед: вы заходите к нам почаще, без вас потом так хорошо.

Только вот мне даже и сходить тут некуда. Тосю отправили в Союз, как и обещал всем раненным Чагаев. Так что мне осталось только лежать и смотреть Первый Сирийский!

– Чуть не забыл, – вернулся в палату Леонид Борисович. – Известная вам особа не пожелала улетать на «санитарном» рейсе в Москву.

– Благодарю! – сказал я и быстро встал с кровати.

Спину ещё немного потягивало, а бровь ещё долго будет затягиваться. Но предвкушение от встречи с Антониной меня воодушевляло.

Выйдя из палаты, я сразу попал в водоворот больничных хождений персонала и больных. Меня, как легко раненого, держали в терапии. Так что мне нужно было добраться до хирургического отделения, где и лежала Антонина.

– Господин, вам нельзя ещё вставать! – бежала за мной медсестра, но я уже был почти в кабине подъёмника.

– Девушка, со мной всё в норме. У меня профилактика геморроя, – сказал я, скрывшись за дверьми лифта.

Я только и успел увидеть надутое лицо сирийской смуглой девушки в больничной униформе. Лифт тронулся, а до меня ещё доносились её причитания.

В отделении хирургии меня ожидало новое испытание. Женщина с «широкой костью» преградила мне путь и не пускала в отделение. Как я только не пробовал ей объяснить, что мне нужно попасть к пациентке.

– Чего захотел?! Нечего! Зачем тебе к ней? – спрашивала сирийская медсестра.

Оценив ситуацию, я понял, что просто так тут не пройти и не обойти. Тем более, уже про меня наступали врачу, и он тоже показывал мне на дверь.

– Уважаемая Мавджуда-ханым! Вы ведь не представляете...

Но Мавджуда не уступала дорогу. Видимо, моё природное обаяние на сирийских замужних женщин не действует.

– Конечно, не представляю! Вот зачем вам к девушке? Она красивая, молодая. Бедненькая, столько натерпелась с вами на этой войне. Ей нужно отдохнуть, – ворчала на меня медсестра.

– Да вы ж не понимаете. Антонине-ханым нужно что-то очень привлекательное, очень нежное и обаятельное, что-то, чего нет у других. И тогда она пойдёт быстрее на поправку.

Мавджуда задумалась.

– И что же это ей нужно?

– Ей нужен я, ханым, – улыбнулся я.

Медсестра усмехнулась, но не сдавалась.

– Ну вы послушайте, Мавджуда-ханым. Мы ведь с ней обожаем друг друга. Как птица – ветку, как корова – травку, как путник – стакан холодной воды. Вот наша с ней связь огромная и здоровенная, как два океана, три космоса и как состояние всех бедуинов!

На словах про бедуинов, Мавджуда и сдалась. Значит, ещё пока работает обаяние!

Приоткрыв дверь палаты, я тихо зашёл и сел рядом с кроватью. Тоня постепенно просыпалась, открывая глаза.

– Опять мне что-то снится... Саня, ты чего здесь делаешь? Как сюда попал? – поднялась Тося, выпучив на меня глаза.

– Через дверь вошёл. Но я тоже очень соскучился, дорогая, – недовольно сказал я.

Вот так рвался к ней, а она даже не поцеловала.

– Ну подожди. Ты ведь на службе должен быть. У вас же операция... ай, да ладно! – воскликнула Тоня и крепко меня обняла.

Теперь другое дело! И мне на душе стало хорошо, что со мной дорогой мне человек.

Тем не менее разбитая бровь вызвала много вопросов у Тоси. Пришлось рассказать про операцию, про Батырова и моё катапультирование. Последнее вызвало особый шок.

– То есть... подожди... как, – подбирала слова Антонина, когда я ей пытался объяснить, что вертолёт смог покинуть с помощью катапульты.

– Всё просто. Дал по ручкам, получил мощный пинок под зад и с криком «Да здравствует революция» вышел из «кабинета» на свежий сирийский воздух. Практически горный, между прочим.

– Всё равно не понимаю. Объясни по научному.

Вот пристала! Я собрал весь свой богатый научно-технический словарный запас, и выдал базу Белецкой.

– Дёргаешь вверх «держки». По науке их называют поручни. Тут же срабатывают пиропатроны, которые перебивают все шесть лопастей несущего винта и они отлетают от вертолёта. Потом ещё один подрыв взрывчатки на остеклении кабины. Таким образом, освобождается проход вверх.

– Ого! А дальше? – спросила Тося.

– А дальше в действие приводится буксировочная ракета, которая вытаскивает кресло вместе с тобой из кабины вертолёта. После стабилизации кресла происходит выключение реактивного двигателя, привязные ремни автоматически перерезаются. Спинка кресла отлетает и выпускается парашют.

– Ну дела! – удивилась Тоня, поглаживая меня по щеке. – Больше всего поражает, что ты так спокойно об этом рассказываешь. А если бы вертолёт взорвался от попадания ракеты? Тебе совсем нестрашно?

– Любому страшно. Не так страшно подставиться под ракету, как умереть. Я ни о чём не жалею. И давай не будем о грустном.

Щёлкнул пальцем Антонину по носу, чтобы взбодрить немного. Пробыв у неё несколько часов, ушёл к себе в палату. Если бы учитывалось моё желание, то я бы остался, да Мавджуда всё никак не унималась. Похоже, ей мужчины не хватает. Кого-то то она мне напоминает...

Дело шло к выписке. Антонина тоже засобиралась сначала в часть, но у меня получилось её отговорить. Из Университетской больницы Аль-Асад, она уехала напрямик на военный аэродром Эль-Мезза. Там как раз собирался улететь в Советский Союз самолёт командующего.

Мне оставалось только оформить документы и убыть вслед за Белецкой. По возвращению в Союз, мы договорились с ней, что она приедет ко мне в Торск. Так сказать, проходить курс реабилитации наших с ней отношений.

До Хмеймима я добирался на вертолёте. Вообще приятно было осознавать, что со здоровьем у меня всё хорошо. Чувствовал я себя прекрасно. Думаю, что и на внеочередном ВЛК, обязательном после катапультирования, у меня не будет проблем.

Ми-8, в котором я летел, долго кружил над авиабазой Хмеймим, не заходя на посадку. Как я понял, экипажу дали команду выполнить облёт аэродрома. Внизу было видно, что база постепенно преобразуется. Уже вырисовывается расположение эскадрилий, мест стоянок самолётов и вертолётов. КДП уже не похоже на скворечник с разбитыми окнами. Теперь это нормальный командно-диспетчерский пункт. И даже тот самый офицерский клуб с проживающими в нём птицами покрашен и выглядит более-менее отремонтированным.

Наш вертолёт продолжал кружить на предельно малой высоте, а экипаж высматривал посторонних по периметру базы. Через пару минут и три прохода над стоянкой техники мы зашли на посадку.

Ми-8 срулил с полосы, на которую вырубивала пара МиГ-29. Только мы освободили рулëжную дорожку, как истребители начали разбег по полосе. На посадочном курсе был виден очередной заходящий на посадку Су-24. Следом был ещё один.

После выключения двигателей и остановки винтов, я поблагодарил экипаж и вылез на бетонку аэродрома. Пройдя по стоянке, поздоровался с техниками и узнал последние новости.

На стоянках техники готовили самолёты и вертолёты. Спецтранспорт продолжал разъезжать от борта к борту. Со всех сторон серьёзные разговоры и крепкие выражения. Без них никуда, поскольку не применишь ненормативную лексику, ничего работать не будет.

Как по мне, ещё один день жизни авиабазы как на ладони.

Но был один интересный момент. Оказывается, всему составу ИАС дали команду всю технику поставить в строй. Чтобы не было никаких замечаний.

– И зачем? Операция в Идлибе не закончилась? – спросил я.

– Частично. В городе бои идут, а граница с Турцией пока так и не перекрыта. Может сейчас что-нибудь придумает начальство.

Пока я шёл к штабу, заметил несколько следов обстрела. Некоторые воронки закапывают, а те что на бетоне устраняют заменой плит. Первым делом в штабе, я зашёл за документами по командировке.

В строевом отделе уже тоже наладился быт. В углу закипал чайник, приятно шумели лопасти вентилятора, в окне устанавливали кондиционер БК-1500. Ещё и пара новых девушек появилось в штате. Когда успевают приезжать, непонятно.

– Майор Клюковкин, добрый день! Отпускной хотел бы забрать.

Миниатюрная девушка с погонами ефрейтора улыбнулась и достала книгу записи в отпуск. Раскрыв её, она прокашлялась и... слегка покраснела.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Ой, а вы пока не можете уехать, – сказала мне ефрейтор из строевого отдела.

– И почему?

– Приказ командира полка, – медленно ответила девушка.

Какая-то ерунда начинается. Значит, придётся пойти и к нашему командиру полка. Конечно, он человек уважаемый, но ведь мне команду в отпуск дал лично Чагаев.

Товарища подполковника Бунтова я нашёл на командном пункте. Леонид Викторович заполнял журнал.

– Добрый день, разрешите войти? – поздоровался я, войдя в помещение КП.

Здесь всё так же продолжали работать несколько офицеров и пара сержантов.

– Таких дней в армии не бывает. Приветствую! – протянул мне руку Бунтов.

– Мне сказали, что вы меня не отпускаете на отдых. Но ведь это был приказ командующего.

– Знаю, но вы нам нужны, Александр.

– Для чего?

Бунтов встал и подошёл ко мне вплотную.

– Скоро начнём новую операцию. Цели уже на территории Турции.

Вот значит что! Видимо, в больших кабинетах выработали ответные действия по инциденту с Су-24.

– Эм... Как бы так сказать, чтобы не обидеть. А вы не могли бы без меня?

– Не понял.

– Понимаете ли, у меня появились дела в Союзе. Да и отдохнуть хочется. Я всё равно пока не могу летать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.